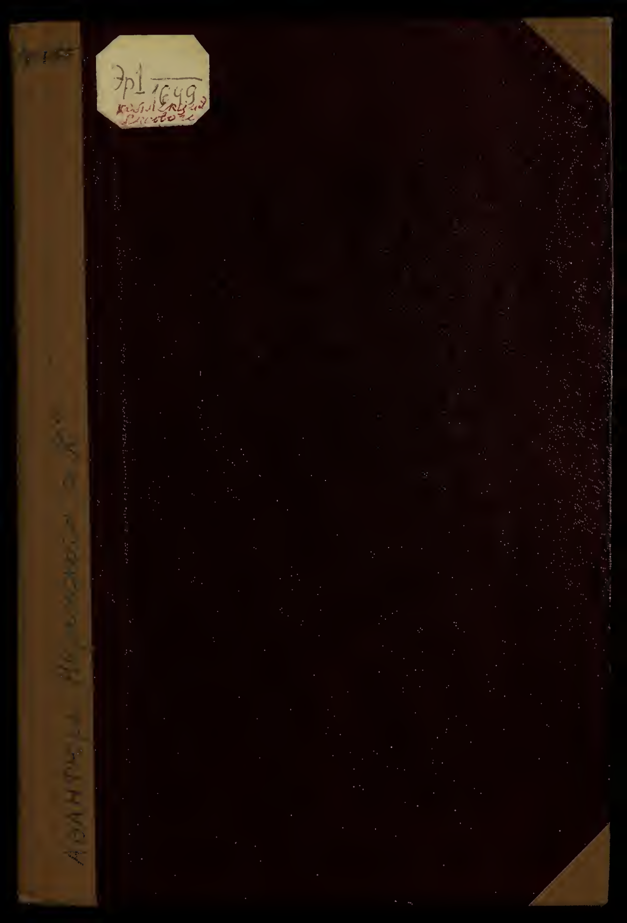


АВАНТЮРЫ КЕРЕНСКАГО и К°

Изданіе II.

Разрѣшено Военной цензурой.

Цѣна 10 руб.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изданіе Инициативной Группы „ВПЕРЕДЪ“
[illegible]
[illegible]

Отъ автора.

Въ виду большого успѣха, который имѣло пер[illegible] [illegible] книги, все уже распроданное, она выпуск[illegible] [illegible] вторымъ изданіемъ съ нѣкоторыми исправлен[illegible] [illegible]вленіями.

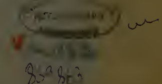
Своей книгой я хочу познакомить читателя съ [illegible] [illegible]тельнымъ русской исторіи, [illegible] личность [illegible] [illegible]го и его провокаторскую дѣятельность по отноше[illegible] [illegible] и къ генералу Корнилову, а также показать [illegible] [illegible]дны и тернисты были первые шаги героевъ Добр[illegible] [illegible]іи, исключительному патріотизму и любви къ [illegible] [illegible]рыхъ мы обязаны нашимъ теперешнимъ благополу[illegible]

Вѣрю, что мы скромныя мысли, засвидѣтель[illegible] [illegible]домъ фактовъ, собранныхъ съ большими трудност[illegible] [illegible] пользу общему дѣлу.

Благодаря Н. А. Русинова, давшаго мнѣ матеріа[illegible] [illegible] генерала Корнилова, взятыхъ полностью [illegible] [illegible] генерала, переписанныхъ бывшими въ его [illegible] [illegible].

Васъ же, г. Керенскій, въ Вашей книгѣ „Дѣло [illegible] [illegible] для объясненія Васъ и Вашихъ единомы[illegible] [illegible] презрѣнію и проклятію Вашу близкую [illegible] [illegible] Вамъ не поможетъ агитація, [illegible] [illegible] деньгами, [illegible] Вамъ теперь [illegible] [illegible]

Но не страшны ни Ваши лозунги, ни деньги, [illegible] [illegible] Вы хотите [illegible] и расчле[illegible] [illegible] наступитъ время когда судьба накажетъ В[illegible] [illegible] дѣламъ Вашимъ".



Письма изъ ставки

I.

1916 г. Марта „22" дня могилевъ губ.

Мой милый другъ!

Спѣшу подѣлиться съ Тобой послѣдними новостями. Слѣдующій печальный, но въ то же время комическій фактъ произошелъ на этихъ дняхъ. Ты хорошо знаешь, что для объѣзда фронтовыхъ частей у насъ былъ поѣздъ, состоящій въ непосредственномъ вѣдѣніи В. К. Бориса Владимировича и его штаба. Одинъ изъ проводниковъ этого поѣзда— ярый революціонеръ въ душѣ, но лизоблюдъ въ дѣйствительности, нѣкто Колгановъ поклялся при первой возможности „извести Россійскую крамолу", какъ это самъ объяснилъ, немедленно послѣ революціи донесъ комиссару Временнаго Правительства Могилевской губерніи, что въ поѣздѣ В. Св. Генералъ Сазоновъ, полковникъ Грековъ, Сотникъ Раевскій, прапорщикъ Безобразовъ, капитанъ Баронъ Унгернъ-Штернбергъ и секретарь В. Князя Бориса Владимировича французскій подданный Х— составили заговоръ противъ Вр. Правительства.

Для чего рѣшили открыть нѣмцамъ Сѣвер. фронтъ, двинуться съ тяжелой артиллеріей и удушливыми газами на Петроградъ, но такъ какъ первое трудно выполнимо, то поклялись „не щадя живота" (подлинныя слова доносчика) уничтожить бомбами или револьверными выстрѣлами настоящихъ министровъ, а кромѣ того, какъ истые крамольники, они спрятали б. министра Протопопова, переодѣтаго въ женское платье.

Говорить и доказывать абсурдность перваго конечно не приходится, а что касается Протопопова, то онъ арестованъ, какъ всѣмъ это извѣстно въ Шуваловѣ, а это происходило 10 марта. Но Вр. Правительство отнеслось къ этому весьма серьезно, повѣрило доносу и, не разобравъ въ чемъ дѣло, прислало спеціальнаго генерала военнаго юриста, арестовать „крамольниковъ" и перевезти въ Петроградъ.

Когда стали доказывать нелѣпость обвиненія и ходатайствовать объ ихъ освобожденіи, то военный министръ Гучковъ говорилъ, что сдѣлано это не по его распоряженію и ничего незнаетъ, очевидно это распоряженіе сдѣлано министромъ юстиціи Керенскимъ, а Керенскій отправляетъ ходатайство обратно къ Гучкову; развѣ это тебѣ не напоминаетъ басню —въ которой журавль носъ вытащитъ, хвостъ завязнетъ и наоборотъ.

Не могу не написать тебѣ о великой радости. Удостоился счастья лицезрѣть фигуры новыхъ нашихъ вождей, ставленниковъ интеллигенціи соль земли Русской (Керенскаго, Гучкова, Шингарева и Милюкова).

Показались они намъ уже во время обѣда, но разъ свобода полная а они игнорировали обычай приходить во время обѣда къ началу, ихъ никто не дожидался.

О! Гдѣ [illegible], мундиры, ордена и погоны!—Вы [illegible] доказате[illegible] времени Россійск[illegible] довольно ужъ попали игрушки героя русскаго [illegible]та и [illegible]. Теперь царство пиджака. Русская пословица: по одеж[illegible] встрѣча[illegible], а по уму провожаютъ—оправдалась и на сей разъ. Ваш[illegible] министровъ, а приняли ихъ точно за лакеевъ, никто не всталъ, а нѣкоторые даже не повернули головы и только, когда они подошли къ генералу [illegible] стола, присхочилъ генералъ Алексѣевъ и сразу стало ясно что это представители не какого-либо торговаго дома или чего-нибудь въ этомъ родѣ, а наши верховные вожди. Мы были шокированы своимъ хамствомъ и покраснѣли до корня волосъ, бросили ѣсть даже иностранные офицеры, въ частности архиспокойные англичане,—всѣ съ любопытствомъ стали разсматривать вновь прибывшихъ. Большая часть присутствовавшихъ офицеровъ знало въ лицо такихъ корифеевъ Государственной Думы, какъ Милюковъ и Гучковъ, но больше всѣхъ конечно интересовалъ насъ Керенскій;—этотъ вождь, о которомъ такъ много писали въ газетахъ. Кромѣ Гучкова и Милюкова его искали среди всѣхъ другихъ министровъ. Каждый невольно воображалъ себѣ его особеннымъ, не похожимъ на другихъ людей, но было общее разочарованіе, когда увидѣли его маленькую тщедушную фигурку, чуть сгорбленную. Кончился обѣдъ. Около министровъ образовались небольшія группы. Они съ удовольствіемъ отвѣчали на всѣ вопросы, были очень просты и милы—всѣ, за исключеніемъ Керенскаго, который думалъ, очевидно, что онъ, или на митингѣ, или [illegible],—но того много было фразъ и жестовъ и видимое презрѣніе къ офицерамъ, какъ это чувствовалось въ каждомъ его словѣ и какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на „пушечное мясо". Всѣ пріѣхали люди какъ люди, также и уѣхали, но нашъ новый вождь имѣлъ уже свой собственный конвой изъ красы и гордости русской революціи матросовъ Гвардейскаго Экипажа, которые чувствуя себя хозяевами положенія не преминули сдѣлать нѣсколько самочинныхъ обысковъ, причемъ ничего существеннаго не было найдено, но главное почему-то вниманіе обращалось ими на вино, которое отбиралось, но и выпивалось самими же матросами весьма изрядно.

Не слава Богу... наконецъ Керенскій уѣхалъ, увезъ своихъ тѣлохранителей и теперь у насъ тихо, если не обращать вниманія на хамство товарищей, то кажется наружно и революціи не было, но эти товарищи такъ часто давали о себѣ знать, что вывели изъ терпѣнія самого генерала Алексѣева; не могу ручаться я передаю какъ слухъ; что будто одного изъ нихъ онъ посадилъ подъ арестъ,—хотя теперь въ вѣкъ liberté égalité и fraternité, Верховный Главнокомандующій имѣетъ право посадить въ коробку изъ подъ спичекъ лишь клопа или блоху, которая его тревожитъ. Вотъ факты которые я описываю съ легкимъ сердцемъ, но знай, что это смѣхъ сквозь слезы.

II.

Христосъ Воскресе! Дорогой другъ.

Свѣтлый праздникъ принесъ и намъ Свѣтлыя радости. Друзья, которые томились въ Таврическомъ павильонѣ съ 11 марта за свой мнимый заговоръ и за [illegible], [illegible] „[illegible]" Протопопова, переодѣтаго въ женское платье, въ [illegible] [illegible]. Ж[illegible]мъ ихъ пріѣзда съ нетерпѣніемъ и надѣюсь я услышать много интереснаго.

Не могу безъ смѣха вспомнить дѣло графини К., которое разбиралось

на дняхъ въ мѣстномъ Совдепѣ. Ты конечно знаешь, что графиня К. возила подорки на фронтъ. Вотъ и теперь уже послѣ революціи она отправилась на фронтъ съ этой же миссіей. Зная о ея филантропической дѣятельности, ты конечно не зналъ, что свѣтъ ея жизни была ея собака—бульдогъ. Уѣзжая на фронтъ она очевидно торопилась и забыла съ собой взять собаку. Объ этомъ она вспомнила уже, отъѣхавъ отъ Могилева, двѣ три станціи и что же думаешь, признала за благо нарушить всѣ расчеты и графики Управленія путей сообщенія и, отцѣпивъ паровозъ, вернулась на немъ въ Могилевъ за своей собакой, которую немедленно погрузили и графиня спѣшно отбыла выполнять свою великую миссію. Но шило въ мѣшкѣ не утаишь и эпизодъ сталъ извѣстенъ совдепу. Не правда ли какая наглость! Тамъ люди умираютъ за свободу, жертвуютъ своей жизнью, а тутъ буржуйка ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, какъ будто во времена Русской крамолы въ собственномъ автомобилѣ по Невскому.

Цвѣтъ мѣстной демократіи рѣшается покарать буржуйку. Назначено спеціальное засѣданіе... Судъ, конечно, долженъ быть правый, но справедливый. Пахнетъ дегтемъ и махоркой. Въ залъ засѣданія входитъ подсудимая въ костюмѣ the lor съ батистовымъ кружевнымъ платочкомъ въ рукахъ, который мнетъ и часто прикладываетъ къ своимъ сухимъ глазамъ, очевидно такъ требуется по хорошему тону.

Неумолимые судьи не обращаютъ на это вниманіе и обвинитель въ своей рѣчи жестоко бичуетъ бѣдную графиню.. Но достаточно было графинѣ обратиться, какъ требовалъ моментъ, и назвать судей „*товарищами*", и увѣрять ихъ, что она чуть ни съ пеленокъ всегда стояла за бѣдный угнетенный народъ, который заклеймили буржуи, что она доказала на дѣлѣ свои къ нему симпатіи тѣмъ, что развозила въ отдѣльномъ поѣздѣ подарки „*кровопійцевъ буржуевъ*", и позировала фотографамъ въ тыловыхъ окопахъ,—какъ гнѣвъ былъ положенъ на милость и, нарушеніе всѣхъ правилъ по передвиженію вагоновъ и поѣздовъ со снарядами и продовольствіемъ на фронтъ, отчего быть можетъ голодали и были безъ таковыхъ не одна тысяча,—было признано „*буржуазнымъ предразсудкомъ*" и графиня была оправдана. Развѣ это тебѣ не напоминаетъ исторію, какъ нашъ праотецъ продаетъ свое первородство за чечевичную похлебку и не доказываетъ всю глубину новыхъ государственныхъ дѣятелей.

III.

Дорогой другъ извини меня за столь продолжительное молчаніе. Былъ страшно занятъ въ связи съ ликвидаціей нашего штаба, какъ гнѣзда контръ-революціи, только потому, что это казачій штабъ, и, какое значеніе этому факту придаетъ настоящее правительство,—ты можешь судить потому, что всѣ штабы Ставки, которые послѣ революціи были признаны лишними или подлежали расформированію, ликвидировались и переформировывались по распоряженію самаго Верховнаго Главнокомандующаго, когда же дѣло коснулось нашего штаба, то Власти Генерала Алексѣева оказалось недостаточно, и намъ приказано было расформироватся, согласно постановленію Самого Временнаго Правительства. Едва распространилась эта печальная вѣсть въ казачьихъ войскахъ, какъ отовсюду посыпались телеграммы—почему и отчего? Казачій съѣздъ, который теперь уже заканчиваетъ свои работы въ Петроградѣ ходатайствовалъ передъ Временнымъ Правительствомъ объ оставленіи штаба. Имъ отвѣтили, что, если будутъ телеграммы отъ частей и управленій фронтовъ и желаніи оставленія штаба, то штабъ будетъ реорганизованъ на новыхъ началахъ. Телеграммы

была и были представлены, было обѣщано Правительствомъ пріостановить расформированіе, а Верховному Главнокомандующему были даны указан форсировать расформированіе,—очевидно въ этомъ теперь состоитъ свобода и равенство для казаковъ.

Пріѣхалъ Генералъ Брусиловъ—о его назначеніи ты конечно знаешь изъ газетъ, и къ намъ въ штабъ пріѣхали два делегата изъ казачьяго съѣзда,—они потребовали оставленія штаба или ген. Брусилова,—это было достаточно, чтобы не исполнить постановленія Правительства.

Генералъ Брусиловъ производитъ впечатлѣніе совершенно не подходящаго для настоящаго момента. Вмѣсто какой-либо опредѣленной политики онъ крутитъ хвостомъ, какъ лисица. На другой день послѣ своего пріѣзда г. Брусиловъ собралъ всѣхъ чиновъ Ставки и сказалъ рѣчь. Страшно жалѣю, что не могу привести ее дословно, но смыслъ ея былъ таковъ. Онъ говорилъ, что онъ служитъ не партіи, что онъ служитъ не лицамъ, а служитъ только Россіи, что ему совершенно безразлично, кто стоитъ и кто будетъ стоять у власти, ему важно, чтобы была Россія. Не правда ли красивыя слова, но къ несчастію это только слова, ибо онъ служитъ не Россіи, не правительству а Русскому вору, въ рукахъ котораго сосредоточена власть и служитъ и прислуживается ему только потому, что тотъ платитъ ему деньги. Я думаю, что дальнѣйшія поясненія излишни, ибо тебѣ ясно все самому.

Чтобы не быть голословнымъ въ своихъ показаніяхъ, я приведу изъ серіи фактовъ одинъ, который наиболѣе ярокъ. На дняхъ въ Ставку прибылъ солдатъ одной изъ артиллерійскихъ бригадъ, котораго конечно не могъ прислать ни одинъ начальникъ, а только лишь банда неграмотныхъ хамовъ, которые имѣютъ громкое названіе комитеты ходатайствовать передъ верховнымъ Главнокомандующимъ объ отпускѣ № батареѣ № бригады двухъ паръ постромокъ. Что жъ сдѣлалъ ген. Брусиловъ Ты думаешь предложилъ ему немедленно убраться и обратиться съ требованіемъ въ соотвѣтствующій фронтовой артиллерійскій складъ, нѣтъ если бъ ты такъ думалъ, ты бы ошибся; онъ битыхъ два часа говорилъ съ этимъ солдатомъ, мало того приказалъ дать ему бумагу въ управленіе Инспектора Артиллеріи при верховномъ Главнокомандующемъ съ приказаніемъ удовлетворить ходатайство и послалъ именно туда, гдѣ какъ разъ этимъ вопросомъ не вѣдаютъ, а потому и получилъ отвѣтъ оттуда, что съ этимъ требованіемъ при исполненіи положенныхъ формальностей надлежитъ обращаться въ соотвѣтствующій артиллерійской складъ. Далѣе въ своей рѣчи онъ говорилъ, что въ Россіи революція уже второй разъ, что 1905—1906 г. Русскій народъ не созрѣлъ до революціи, потому она была и подавлена. Теперь же Русскій народъ созрѣлъ и что генералъ радъ теперь приложить всѣ свои силы на служеніе Русскому революціонному народу. Я думаю о зрѣлости народа онъ судилъ и судитъ по тѣмъ эксцессамъ, которые имѣли мѣсто въ отношеніи Русскихъ офицеровъ и интеллигенціи, а кромѣ того и по тѣмъ фактамъ, что теперь блестящіе представители Русскаго народа, такъ называемые „Товарищи“, дошли до такой зрѣлости что даже за двумя парами постромокъ обращаются непосредственно къ самому Главковерху и въ случаѣ неисполненія требованія считаютъ себя въ правѣ стучать кулакомъ по столу и кричать на него.

Очевидно зрѣлость Русскаго народа сказалась и въ томъ фактѣ, что бывшаго генералъ-адъютанта, который со слезами на глазахъ неоднократно цѣловалъ руки Императору, быстро раскусилъ и понялъ, что это были поцѣлуи Іуды‘ *а потому, призналъ за благо обрядить*, какъ клоуна въ циркѣ въ красную ленту черезъ плечо посадить въ красную коробку и носить

нѣсколько часовъ по Бердичеву... Но едва ли эти факты страховка, что революціонный генералъ Брусиловъ будетъ долгое время верховнымъ вождемъ русскаго революціоннаго народа.

Я полагаю онъ принадлежитъ къ новий группѣ Русскихъ людей, которыхъ можно охарактеризировать, что они идутъ на пять минутъ впереди революціи; другими словами для того, чтобъ остаться у власти, забѣгаютъ впередъ и когда чувствуютъ, что революціонная демократія потребуетъ новыхъ уступокъ въ свою пользу предлагаютъ ихъ сами, но предѣлъ забѣганія обычно наступаетъ раньше, чѣмъ они это думаютъ. Какое милое сочетаніе военный министръ бывшій адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ и кокаинистъ душка Керенскій, а верховный Главнокомандующій *«револьвошь»*.

Веселись Русскій народъ! Тебѣ ясно и понятно, что только эти вожди приведутъ тебя къ побѣдѣ. Теперь, когда особенно вездѣ и всюду получили права гражданства всякія сокращенія признали и мы за благо сократить это выраженіе.

Свою геніяльность Керенскій уже доказалъ будучи министромъ юстиціи. Онъ понялъ, какъ никто, душу русскаго преступника,—этихъ невинныхъ заблудившихся овечекъ и, желая спасти и возродить ихъ моральсо, приказалъ выпускать одного, двухъ преступниковъ на короткіе сроки домой въ родную семью, чтобы та своимъ благотворнымъ вліяніемъ воскресила ихъ и смыла клеймо отчепенцевъ общества, но развѣ это не геніально. Русскій народъ до сихъ поръ никто не могъ понять и проникнуть во всѣ изгибы его души, и онъ не ошибся, временно освобожденные возвращались обратно въ тюрьму, но только не сами а подъ конвоемъ съ новыми грѣхами на своей душѣ.

IV.

Слушай дорогой дружище!

Нашъ великій реформаторъ въ области юриспруденціи и оздоровленія духа преступника, потерпѣвшій фіаско на этомъ поприщѣ неунываетъ. То что онъ и его друзья соціалисты разрушили съ началомъ революціи, Керенскій рѣшаетъ на новомъ фундаментѣ, но на болотистой почвѣ, именуемой православнымъ христолюбивымъ воинствомъ, построить новое великолѣпное зданіе, т. е. поднять духъ арміи и создать новую и всемогущую. Его желаніемъ было парой митинговъ превратить русскаго крестьянина въ типичнаго интеллигента западника способнаго отъ сознанія только долга забыть всѣ животные инстинкты, скрытые въ натурѣ человѣка, и защищать эфемерную свободу но ни Родину, такъ, какъ онъ бы защищалъ въ минуту крайней опасности и отчаянія самыхъ близкихъ и дорогихъ людей.

Что жъ получилось? Помнишь поѣздки Керенскаго на фронтъ. Его слушали, съ нимъ соглашались, его качали, устраивали оваціи, но едва онъ успѣвалъ дойти до автомобиля, какъ толпа уже людей между собой говорила: „Мели Емеля—твоя недѣля", или что нибудь въ родѣ,—„Языкомъ бы всѣ готовы, а вотъ съ винтовкой небось не хочетъ! Самъ уѣхалъ, а мы подъ пулей". Но Керенскій не замѣчалъ этого, а, упоенный успѣхомъ, летѣлъ въ слѣдующій раіонъ, снова говорилъ снова оваціи и снова тотъ же результатъ послѣ его рѣчей. Объѣхавъ западный и юго-западный фронты новоиспеченный Наполеонъ рѣшилъ однимъ могучимъ ударомъ сокрушить Австро-Германскій фронтъ и зажечь непомеркнувшій свѣточь свободы для германскаго и австрійскаго народа.

25 Іюля армія ю.-з. фрота въ раіонѣ Галичъ Станиславовъ переходитъ въ стремительное наступленіе,—такъ гласили офиціальныя телеграммы. Берутъ Галичъ, Калушъ, прорывъ фронта. Даже не вѣрится, что это свершившіеся факты, а не сонъ имперіалиста контръ-революціонера, но вотъ получаются подлинные донесенія о событіяхъ и сразу становится яснымъ, что это были факты, а не сонъ. Количество артиллеріи, сосредоточенной въ раіонѣ прорыва, количество снарядовъ и вообще техническихъ средствъ было таково, что уже послѣ артиллерійской подготовки живыхъ и дѣятельноспособныхъ солдатъ противника въ окопахъ не осталось. Кончилась артиллерійская подготовка, земля была буквально спахана снарядами, отъ всякихъ искусственныхъ и проволочныхъ загражденій не осталось и слѣда, пора работать товарищамъ. Но не тутъ то было, вѣдь миръ долженъ быть безъ анексій и контрибуцій; начинается митингъ рѣшается вопросъ, что наступленіе—анексія, можетъ быть контребуція, говорятъ часами, наконецъ здравомыслящимъ удается побѣдить. Подымаются цѣпи, идутъ, дошли до мѣстя, гдѣ были проволочныя загражденія. Лишь одиночные выстрѣлы, потерь никакихъ. Снова ставится вопросъ—идти ли дальше или вернуться обратно въ свои окопы, опять побѣда здравомыслящихъ, проходятъ первую линію линію окоповъ противника. На серединѣ растоянія между первой и второй снова митингъ, раздаются недовольные болѣе настойчивые голоса съ требованіемъ вернуться, конечно, во всемъ винятъ офицеровъ, потерь никакихъ, двигаются на третью линію, взяли—потери минимальные, успѣхъ колосальный.

Казалось снова представилась возможность Россіи побѣдить врага, необходимо было лишь развивать такъ блестяще начатое дѣло, но не тутъ то было „товарищи" наотрѣзъ отказываются наступать.

И вотъ офицеры съ группой здравомыслящихъ солдатъ берутъ всю тяжесть на себя и ведутъ наступленіе дальше, но моментъ уже упущенъ, врагъ оправился—стянулъ резервы и начинается настоящій бой.

Большая часть наступающихъ погибла и погибла только изъ-за того, что другіе трусы не захотѣли ихъ поддержать и врагъ разбивалъ эти малочисленые группы по частямъ. Оправившіеся австрійцы переходятъ въ контръ-атаку.

Сдерживать массы уже больше некому. Забывается долгъ, совѣсть и честь. Бросается оружіе, перерубаютъ постромки у артиллерійскихъ запряжекъ, бросаются пушки и обезумѣвшая масса катается назадъ:—кто верхомъ, кто просто бѣжитъ. Врагъ торжествуетъ. Блестящая побѣда превращается въ неслыханное пораженіе.

Единство кто остается еще въ рукахъ своихъ начальниковъ—это кавалерійскія казачія части, которыя порой берутъ на себя непосильныя задачи и задерживаютъ иногда на довольно продолжительное время дерзко идущаго церемоніальнымъ маршемъ врага; такъ напримѣръ: хорошо извѣстный генералъ Богаевскій съ 1-й Забайкальской казачьей дивизіей около четырехъ сутокъ задерживалъ противника съ боемъ подъ Тарнополемъ, тогда какъ лучшіе русскіе корпуса покинули этотъ раіонъ послѣ первыхъ же выстрѣловъ наступающаго противника.

Генералъ Корниловъ главнокоманд. юго-западнымъ фронтомъ беретъ на себя всю отвѣтственность и вводитъ на юго-западномъ фронтѣ смертную казнь и только этимъ средствомъ послѣ разстрѣла нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ ему удается сдержать стихійно хлынувшую назадъ банду „товарищей", уничтожающихъ на своемъ пути все, какъ саранча на полѣ.

Въ Петроградѣ возмущеніе. Совѣтъ Р. и С. Д, конечно противъ и кричитъ, что это позоръ для руской демократіи, но въ тоже время ни

слова не упоминать объ истинномъ позорѣ русскаго народа въ его последнемъ скандальномъ наступленіи и бѣгствѣ.

Генералъ Деникинъ главнокомандующій западнымъ фронтомъ почти одновременно переходитъ въ наступленіе въ раіонѣ Крево Молодечно. Та же картина, могъ быть колоссальный успѣхъ, но демократія не хочетъ анексій, хотя въ данномъ случаѣ было бы лишь изгнаніе врага со своей территоріи.

Катастрофа подобная катастрофѣ вышеописанной, предотвращается тѣмъ, что въ тылу наступающихъ частей, генералъ Деникинъ сосредотачиваетъ казачіи кавалерійскія части, которые и не позволяютъ бѣгущимъ пройти ихъ линію. И такъ дорогой другъ два блестящихъ начатыхъ дѣла, стоящихъ не одинъ милліонъ рублей и конечно не вознаградимо въ смыслѣ потери лучшихъ сыновъ Россіи въ лицѣ офицеровъ и солдатъ, окончились полнымъ крахомъ, и нашъ великій мыслитель и знатокъ русской души военный министръ Керенскій еще разъ показалъ всю свою несостоятельность.

V.

Показанія Генерала Корнилова.

Тотчасъ же послѣ Государственнаго переворота 27 февраля, я былъ назначенъ Временнымъ Правительствомъ на мѣсто главнокомандующаго войсками Петроградскаго военнаго округа и, прибывъ изъ дѣйствующей арміи 5 марта, вступилъ въ должность. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности я убѣдился въ крайнѣ вредномъ вліяніи на войска Петр. р. Совѣта Солд. и Раб. депутатовъ, который вовлекая войска гарнизона въ борьбу политическихъ партій, проводя въ жизнь начала разрушающія дисциплину и авторитетъ начальниковъ, постепенно дезорганизовалъ войска гарнизона и безъ того не представлявшія собою хорошо сплоченныя войсковыя части. Совѣтъ неоднократно пытался принять непосредственное участіе въ дѣлѣ командованія войсками съ цѣлью имѣть въ нихъ оружіе для достиженія своихъ цѣлей. Не считая возможнымъ для себя быть невольнымъ свидѣтелемъ и участникомъ разрушенія арміи, я предпочелъ просить освободить меня отъ поста Гл.—щаго Петр. воен. окр. и получилъ въ началѣ мая назначеніе на должность К—щаго VIII арміей. Я принялъ армію въ состояніи почти полнаго разложенія. Благодаря войсковымъ комитетамъ высшій командный составъ былъ лишенъ вліянія на войска. Многіе генералы и значительная часть К—ровъ полковъ подъ давленіемъ комитетовъ были удалены отъ занимаемыхъ должностей. За исключеніемъ немногихъ частей братаніе процвѣтало. Были случаи братанья съ участіемъ хоровъ нѣмецкой музыки, выставлявшейся между нашими и нѣмецкими проволочными загражденіями. Въ теченіе 2-хъ мѣс. мнѣ почти ежедневно пришлось бывать въ войсковыхъ частяхъ, лично разъяснять солдатамъ необходимость дисциплины ободрять ихъ и внушать войскамъ необходимость активныхъ дѣйствій, словомъ подготовлять войска къ намѣченному уже наступленію. Въ армейскихъ комитетахъ я занялъ твердую позицію, отклоняя ихъ вмѣшательство въ дѣлѣ перемѣнъ въ командномъ составѣ я постепенно вводилъ комитеты въ рамки ихъ законной дѣятельности, внушая имъ убѣжденіе, что главнѣйшей ихъ задачей является содѣйствіе командному составу въ дѣлѣ подъемѣ духа въ войскахъ.

25-го іюня армія перешла въ наступленіе и имѣла блестящій успѣхъ, выразившійся въ прорывѣ позиціи, прорывъ на фронтѣ 30 верстъ съ за-

хватомъ Галича, Калуша, свыше 10 т. плѣнныхъ и болѣе 100 орудій. Тутъ уже я убѣдился, что твердое слово начальника и опредѣленныя дѣйствія необходимы, чтобы остановить развалъ нашей арміи. Я понялъ, что этого твердаго слова ждутъ и крестьяне и солдаты, сознательная часть которыхъ уже утомилась отъ полной анархіи. Въ ночь съ 7 на 8 іюля я принялъ должность Главнокоманд. арм. Ю. З фронта. Прорывъ фронта 11 арміи, начавшійся утромъ 6 іюля уже былъ въ полномъ разгарѣ, 11 армія уже отступила въ безпорядкѣ. Прорывъ расширялся все далѣе, захватывая правый флангъ 7 арміи находившейся южнѣе, по донесеніямъ съ фронта многія части не исполняли приказовъ, бросали свои позиціи, другія не шли на поддержку. Каждое боевое приказаніе обсуждалось на митингахъ, По всѣмъ дорогамъ брели толпы солдатъ дезертировавшихъ изъ своихъ частей, производившія грабежи и насилія въ попутныхъ селеніяхъ. Я немедленно потребовалъ отъ нач—ковъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ предателей и измѣнниковъ, предупредивъ, что всю отвѣтственность беру на себя. Я приказалъ разстрѣливать дезертировъ, грабителей, выставляя трупы разстрѣлянныхъ на дорогахъ, на видныхъ мѣстахъ съ соотвѣтствующими надписями. Вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ 8 іюля Верховному Главнокомандующему за № 3733 съ копіями Предсѣдателю Совѣта Министровъ' Военному Министру и Комиссару Ю. З. фронта, в которой въ первый разъ указалъ на необходимость примѣчанія исключительныхъ мѣръ, до введенія смертной казни на театрѣ военныхъ дѣйствій, добовляя, что иначе вся отвѣтственность падаетъ на тѣхъ, кто слогами думаетъ править на тѣхъ поляхъ, гдѣ царитъ смерть и позоръ предательства, малодумія и себялюбія. На эту тлеграмму я получилъ телеграмму отъ Главковерха, который сообщилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мои взгляды, а отъ Военнаго Мин., что въ моемъ распоряженіи пунктъ 14—деклараціи правъ солдата. Въ виду все усиливавшагося развала арміи Ю. З. фронта и продолжавшагося отступленія я вынужденъ былъ усилить строгость принятыхъ уже мѣръ, приказалъ сформировать особые ударные отряды изъ юнкеровъ для борьбы съ дезертирами, мародерами и насиліями. Я приказалъ запретить въ раіонѣ дѣйствующей арміи митинги и объявилъ ихъ незаконными сборищами, подлежащими разгону силою оружія. 11 іюля я обратился къ Предсѣдателю Совѣта Мин. съ копіей Главковерху, съ телегр. № 3911, которая начиналась словами: „армія обезумѣвшихъ темныхъ людей, не ограждавшихся властью отъ систематическаго развращенія и разложенія, потерявшихъ чувство человѣческаго достоинства, бѣжитъ“... Въ телеграммѣ я указалъ на: „необходимость немедленаго возстановленія закона о смертной казни на театрѣ военныхъ дѣйствій“. Телеграмма заканчивалась словами: „Сообщаю вамъ, стоящимъ... до конца. Утромъ 12 іюля я получилъ телеграмму отъ МинистраПредсѣдателя, что принципіально законъ о смертной казни принятъ и вечеромъ мнѣ будетъ сообщена окончательная редакція этого закона. Объявленіе этого закона въ арміяхъ фронта произвело сразу отрезвляющее впечатленіе на массу. 16 іюля въ Ставкѣ собиралось совѣщаніе съ участіемъ Министра Предсѣдателя и всѣхъ Главнокомандующихъ фронтовъ, для обсужденія мѣръ по поднятіи боеспособности арміи. Я получилъ телегр. Главковерха № 5067, что въ виду положенія на Ю. З. фронтѣ, мой пріѣздъ въ Ставку не признается возможнымъ и и что мнѣ предлагается представить свои соображенія по вопросу, который будетъ разсматриваться на Совѣщаніи. Мой отвѣтъ изложенъ въ телеграммѣ № 4254. Въ этой телеграммѣ я указалъ на необходимость рас-

пространеніе закона о смертной казни и военно революціонныхъ судовъ на внутренніе округа, исходя изъ мысли, что никакія мѣрѣ по возстановленію боеспособности арміи не дадутъ желательнаго результата, пока армія будетъ получать изъ тыла укомплектованія въ видѣ бандъ распущенныхъ, необученныхъ и распропагандированныхъ солдатъ, которые способны разложить даже самыя крѣпкія войсковыя части. Въ той-же телеграммѣ я указывалъ на необходимость возстановленія дисциплины, власти нач—ковъ, ограниченія круговѣдѣнія войсковыхъ комитетовъ, установленія ихъ отвѣтственности за превышеніе власти, запрещеніе митинговъ закономъ, ввозъ въ раіонъ арміи газетъ съ крайними ученіями и наконецъ, запрещеніе въѣзда всякаго рода депутатовъ, делегацій и агитаторовъ. Въ этой телеграммѣ я впервые заявилъ о необходимости мѣръ для поднятія въ арміи престижа офицера—приниженнаго и лишеннаго своего авторитета цѣлымъ рядѣ мѣропріятій, проведенныхъ Правительствомъ. Совѣщаніе въ Ставкѣ ни къ какому практическому результату не привело, вслѣдствіе того, что у всѣхъ участниковъ этого совѣщанія за исключеніемъ ген. Деникина, не хватило гражданскаго мужества поставить вопросъ о мѣрахъ поднятія боеспособности арміи вполнѣ точно и опредѣленно. 19 іюля постановленіемъ Врем. Правительства, телегр. № 5807 я былъ назначенъ на постъ Верховн. Главнокомандующаго. Въ отвѣтъ на эту телеграмму я обратился къ Предс. Сов. Мин. и Воен. Мин—ру съ телегр. № 4424, изложивъ имъ тѣ условія, при которыхъ я считаю возможнымъ принять постъ Верхов. Гл—щаго. Однимъ изъ таковыхъ условій являлось полное невмѣшательство Вр. Правительства въ мои оперативныя распоряженія, а потому и въ назначеніи высшаго команднаго состава. Въ отвѣтъ на эту телеграмму я получилъ телегр. отъ Воен. Мин., что за мною признается право назначенія моихъ помощниковъ, а на слѣдующій день, изъ агентскихъ телеграммъ узналъ, что безъ моего представленія и безъ моего вѣдома Главноком. Ю. З. фронта назначенъ г. л. Черемисовъ. Я вынужденъ былъ обратиться къ Воен. Мин. съ телеграммой № 4431 съ просьбой отмѣнить сдѣланное назначеніе ген. Черемисова, предупредивъ, что иначе я не признаю возможнымъ принять на себя Верховное Командованіе арміями. 20—же іюля я послалъ въ кабинетъ Воен. Мин. Савинкову телеграмму № 4459, что до полученія категорическаго отвѣта на телеграмму №№ 4424 и 4431 я въ Могилевъ не выѣду. Изъ Петрограда мнѣ было сообщено, что для переговоровъ со мною въ Бердичевъ командированъ Комиссаръ Ю. З. фронта Филоненко. 23 іюля онъ прибылъ въ Бердичевъ и доложилъ отъ имени Вр. Правительства, что всѣ мои пожеланія, изложенныя въ телегр. №№ 4259 и 4424 правительствомъ принципіально принимаются, ген. Черемисовъ назначается въ распоряженіе Вр. Правит—ва. Выслушавъ этотъ докладъ представителя Вр. Прав—ва, я немедленно выѣхалъ въ Могилевъ и 24 іюля вступилъ въ исполненіе обязанностей Верх. Главнокомандующаго. 30 іюля въ ставкѣ было совѣщаніе съ участіемъ Мин. Путей Сообщенія Юренева, Мин. Продовольствія Пѣшехонова, Нач. Шт. Верх. Гл—щаго г. л. Лукомскаго, Тов. Мин. Пут. Сообщенія на театрѣ военныхъ дѣйствій ген. Кислякова и начальниковъ отдѣловъ. Обсуждался вопросъ о мѣрахъ по обезпеченію арміи провіантомъ и фуражемъ и упорядоченію желѣзнодорожной сѣти, сдѣланный инженеромъ Э. П. Шубарскимъ, раскрылъ участникамъ Совѣщанія вопіющую картину полной дезорганизаціи желѣзнодорожной службы и всю ея грозную опасность для арміи и для страны. Въ своемъ заключительномъ словѣ я высказалъ, что для достиженія цѣлей войны и для благополучнаго ея окончанія, миромъ почетнымъ, достой-

нымъ великой Свободной Россія намъ необходимо имѣть три арміи: армію въ окопахъ, непосредственно ведущую бой, армію въ тылу, въ мастерскихъ и заводахъ, приготовляющую для арміи на фронтѣ все ей необходимое и армію желѣзнодорожную, подвозящую это къ фронту. Я заявилъ, что я не касаюсь вопроса, какія мѣры необходимы для оздоровленія рабочей и желѣзнодорожной арміи, предоставляя разобраться въ этомъ вопросѣ спеціалистамъ, но я считаю, что для правильной работы этихъ армій, они должны быть подчинены такой же желѣзной дисциплинѣ, которая устанавливается для арміи фронта. Немедленно по вступленіи въ должность Верх. Глав—щаго я приказалъ Начальнику Штаба разработать по даннымъ мною указаніямъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ Штаба рядъ докладовъ относительно мѣръ по приведенію арміи въ необходимый порядокъ. Изъ этихъ докладовъ, послѣ предварительного обсужденія съ начальниками отдѣловъ былъ составленъ общій докладъ, съ которымъ я 3 августа отправился въ Петроградъ съ цѣлью лично доложить его Вр. Прав—ву. По прибытіи въ Петроградъ я съ вокзала поѣхалъ въ Зимній Дворецъ представиться Мин. Предсѣдателю. Въ разговорѣ со мною А. Ф. Керенскій коснулся между прочимъ вопроса о томъ что со времени моего назначенія Верх. Главнокомандующимъ мои представленія Врем. Правительству носятъ слишкомъ ультиматизный характеръ я заявилъ, что эти требованія диктуются не мною, а обстановкою, т. к. боеспособность арміи слишкомъ понижена, а противникъ видимо намѣренъ использовать такое состояніе арміи и разруху въ странѣ. Я заявилъ, что только въ твердыхъ мѣрахъ, проводимыхъ безъ всякихъ колебаній, можно видѣть спасеніе арміи и страны отъ развала. Здѣсь впервые А. Ф. Керенскій поинтересовался моимъ мнѣніемъ, что слѣдуетъ ли ему оставаться далѣе руководителемъ Государства. Смыслъ моего отвѣта заключался въ томъ что по моему мнѣнію, вліяніе его въ значительной мѣрѣ понизилось, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что онъ, какъ признанный Вождь Демократической Партіи долженъ оставаться во главѣ Вр. Пр-ва и что другого положенія я не представляю. Въ 4 часа дня, въ тотъ же день было назначено засѣданіе Вр. Пр—ва и мнѣ было предложенно выступить съ докладомъ о положеніи на фронтахъ и состояніи арміи. Узнавъ до начала совѣщанія отъ Упр. Воен. Мин—ствомъ Савинкова что въ Военномъ Министерствѣ по его указаніямъ разрабатывается рядъ проектовъ по вопросу о возстановленіи боеспособности арміи и оздоровленіи тыла, я, по соглашенію съ управляющимъ В. М. рѣшилъ отложить свой докладъ Врем. Пр—ву по этому вопросу съ цѣлью представить въ свой слѣдующій пріѣздъ въ Петроградъ общій докладъ съ управляющимъ Воен. Министерствомъ. Объ этомъ рѣшеніи сдѣлалъ заявленіе Вр. Пр—ву въ началѣ засѣданія. Въ виду изложеннаго, докладъ мой Вр. Прав—ву 3 августа ограничился изложеніемъ общей обстановки на всѣхъ фронтахъ, численности армій, ихъ состоянія, состояніе запаса, довольствія артиллерійскаго, интендантскаго, санитарнаго и при общей обрисовкѣ тѣхъ вѣроятныхъ перемѣнъ въ стратегической обстановкѣ, которая можетъ произойти въ зависимости отъ намѣтившихся уже намѣреній противника и состоянія нашихъ армій. Между прочимъ я отмѣтилъ, что уже ясно обозначалося намѣреніе противника перейти въ наступленіе на Рижскомъ участкѣ, указалъ, что ударъ по всей вѣроятности будетъ нанесенъ въ раіонѣ Икскюля, указавъ, что мѣры для противодѣйствія приняты, но въ виду малой устойчивости нашихъ войскъ вообще, арміи сѣвернаго фронта въ особенности, намъ по всей вѣроятности, не удастся удержать Ригу. Я считаю необходимымъ отмѣтить, что когда я коснулся вопроса о сос-

тоянiи силъ нашихъ и противника на различныхъ участкахъ фронта и на какомъ изъ нихъ возможенъ былъ бы при наличiи нѣкоторыхъ условiй переходъ въ наступленiе, Министръ Предсѣдатель, сидѣвшiй со мной рядомъ, наклонившись ко мнѣ шепотомъ предупредилъ, что въ этомъ вопросѣ нужно быть осторожнымъ. Немного спустя мнѣ была передана записка Савинкова съ такимъ же предупрежденiемъ. Я былъ страшно пораженъ и возмущенъ, что въ Совѣтѣ Министровъ Россiйскаго Государства Верховный Главнокомандующiй не можетъ безъ опаски касаться такихъ вопросовъ, о которыхъ онъ, въ интересахъ обороны страны, считаетъ необходимымъ поставить Правительство въ извѣстность. По окончанiи засѣданiя изъ нѣкоторыхъ словъ Б. В. Савинкова мнѣ стало ясно, что предупрежденiе имѣло въ виду *Министра Земледѣлiя Чернова*. Въ ночь на 4-е августа я выѣхалъ изъ Петрограда въ ставку. Комиссаръ Филоненко остался въ Петроградѣ съ цѣлью заняться, по указанiямъ Савинкова, разработкой общаго доклада долженъ былъ явиться мой уже готовый докладъ, переданный мною А. Ф. Керенскому. Послѣ 3-го августа лѣвая пресса повела противъ меня компанiю. 7-го вечеромъ помощникъ комиссара Фонвизинъ предупредилъ меня, что по свѣдѣнiямъ изъ Петрограда вопросъ о моей отставкѣ въ Петроградѣ рѣшенъ окончательно. Я заявилъ, что лично меня вопросъ о пребыванiи на посту Верховн. Главн. мало занимаетъ, но я прошу довести до свѣдѣнiя кого слѣдуетъ, что такая мѣра врядъ ли будетъ полезна въ интересахъ дѣла, т. к. можетъ вызвать въ армiи волненiя, я сослался на настроенiя офицеровъ, казачьихъ частей и многихъ общественныхъ круговъ, отношенiе которыхъ къ вопросу о моей отставкѣ мнѣ извѣстно. Въ промежутокъ между 7 и 9 августа я получилъ отъ Военной Лиги И. Комитета союза офицеровъ. Совѣта союза казачьихъ войскъ. Конференцiи союза Георгiевскихъ кавалеровъ, отъ совѣщанiй общественныхъ дѣятелей, рядъ резолюцiй съ протестомъ противъ моей отставки и кромѣ того много телеграммъ и писемъ отъ частныхъ лицъ со всѣхъ концовъ Россiи.

Получивъ свѣдѣнiе, что 12 авг. въ Москвѣ предложено открытiе Госуд—наго Совѣщанiя и имѣя въ виду положенiе дѣлъ на фронтѣ я, 8-го вечеромъ приказалъ передать въ Петроградъ, что 10-го въ Петроградѣ быть не могу, прошу Б. В. Савинкова взять на себя представленiя моего доклада Временному Правительству съ тѣми измѣненiями, которыя желательно въ немъ сдѣлать по мнѣнiю Упр—го В. Мин—твомъ Б. В. Савинкова и комиссара Филоненко; по прямому проводу стали доказывать мнѣ необходимость моего прiѣзда въ Петроградъ для личнаго участiя въ обсужденiи доклада; изъ ихъ словъ я предположилъ, что оба они дѣйствую съ вѣдома Мин. Предсѣдат. и что участiе мое въ обсужденiи доклада представляется желательнымъ самому Временному Правительству. 9 августа я выѣхалъ въ Петроградъ. 10 утромъ прибывъ уже въ Петроградъ я получилъ телеграмму Мин. Предс., полученную въ ставкѣ послѣ моего отъѣзда и переданную мнѣ въ слѣдъ, что мое участiе въ обсужденiи доклада не представляется необходимымъ и что Вр. Пр.. снимаетъ съ себя отвѣтственность за послѣдствiя моего отсутствiя съ фронта. По прибытiи въ Петроградъ я представился Мин. Предсѣдателю, по словамъ котораго докладъ, разработанный комиссаромъ Филоненко по указанiямъ Савинкова, ему не извѣстенъ, и что внести этотъ докладъ въ Совѣтъ Министровъ отъ Воен. Министерства онъ А. Ф. Керенскiй, какъ военный министръ не считаетъ возможнымъ и что онъ не уполномачивалъ Савинкова приглашать меня въ Петроградъ, для участiя въ засѣданiи. Въ виду сего я не желая предварительно объясняться съ Управляющимъ Воен.

Мин—вомъ Б. В. Савинковымъ который заявилъ мнѣ, что докладъ дѣйствительно не былъ представленъ А. Ф, Керенскому въ его законченомъ видѣ, но что онъ докладывался ему Савинковымъ, по частямъ, по мѣрѣ его изготовленія и во всякомъ случаѣ содержаніе доклада Мин. Пред—лю извѣстно. Приглашеніе мне въ Петроградъ сдѣлано съ вѣдома правительства, а объ отправкѣ вышеупомянутой телеграмы ему Савинкову не было извѣстно. Въ 6 ч вечера я подписавъ общій докладъ о мѣрахъ по оздоровленію арміи и тыла уже подписанный Савинковымъ и Филоненко, доложилъ его частному совѣщанію Вр. Правительства въ составѣ Керенскаго, Некрасова и Терещенко. По разсмотрѣніи доклада мнѣ было заявлено, что правительство соглашается на всѣ предложенныя мѣры, вопросъ объ ихъ осуществленіи являлся вопросомъ темпа правительственныхъ мѣропріятій, что касается вопроса о милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и фабрикъ, работающихъ на оборону, то до обсужденія этого вопроса, въ виду его сложности и слишкомъ рѣзкой постановки его въ докладѣ, онъ подлежитъ предварительному обсужденію въ надлежащихъ спеціальныхъ вѣдомствахъ. Относительно отстройки послѣднихъ двухъ вопросовъ я согласился тѣмъ болѣе, что въ моемъ первоначальномъ докладѣ они дательно совсѣмъ не затрагивались. Въ концѣ засѣданія мнѣ былъ заданъ вопросъ, можно-ли разсчитывать на то, что Рига не будетъ захвачена противникомъ до Московскаго Совѣщанія. Я заявилъ, что въ зависимости отъ того, какъ нѣмцы поведутъ свои операціи, я разчитываю что Рига можетъ продержатся недѣлю, но больше врядли. Изъ разговора съ Керенскимъ я убѣдился что онъ противъ моего пріѣзда въ Петроградъ и не желалъ допустить обсужденіе моего доклада въ пленарномъ засѣданіи Вр. Правительства. Въ виду того, чсо въ силу обстановки на фвонтѣ я долженъ былъ спѣшить отъѣздомъ изъ Петрограда, я не сталъ добиваться участія въ общемъ засѣданіи. Оставивъ А. Ф. Керескому свой первоначальный докладъ и пославъ ему съ вокзала общій докладъ, я выѣхалъ зъ ту же ночь въ Могилевъ. Передъ отъѣздомъ меня посѣтилъ Б. В Савинковъ, изъ словъ котораго я заключилъ, что отношенія его А. Ф. Керенскимъ за послѣдніе дни ухудшились, Мин. Предсѣдатель не принимаетъ его съ личнымъ докладомъ и въ тотъ же день вечеромъ, когда я сидѣлъ съ докладомъ у Министра Предсѣдателя послѣдній отказался принять управляющаго Воен. Министра, прибывшаго съ докладомъ по тому же вопросу о которомъ докладывалъ и я. Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Петроградъ А. Ф. Керенскій снова задаль мнѣ вопросъ, представляется ли по моему мнѣнію желательнымъ уходъ его, Керенскаго изъ состава Правительства? Я отвѣтилъ тоже, что сказано было мною при свиданіи 3-го августа. 10-го августа, во время доклада моего въ частномъ совѣщаніи членовъ Вр. Правительства было рѣшено, что я какъ Верховный Главнокомандующій приму участіе въ Государственомъ Совѣщаніи въ Москвѣ, но программа моего выступленія точно установлена не была.

Въ Ставкѣ.

11 августа я получилъ телеграмму Министра Почтъ и Телеграфовъ съ приглашеніемъ принять участвіе въ совѣщанія. По дорогѣ изъ Петрограда въ ставку я, по просьбѣ комиссара Филоненко, послалъ телеграмму Керенскому съ заявленіемъ, что въ виду необходимости довести до конца програму, предложенную мною въ докладѣ, я считаю крайне нежелательной отставку Упр—щаго Воен. Министерствомъ Савинкова, объ уходѣ котораго съ поста, по личнымъ разногласіямъ съ Керенскимъ, со-

общилъ мнѣ Филоненко, 13 августа я пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ командировалъ Ген. Шт. полковника Пронина къ М—ру Почтъ и Телеграфовъ, для наведенія справки когда назначено время моего выступленія въ совѣщаніи; по докладу полк. Пронина. Никитинъ заявилъ, что рѣчи представителей Пр—ва уже закончились, 14-го будутъ говорить только представители Думы и общественныхъ организацій, выступленія же моего не предвидѣлось; о дальнѣйшемъ мнѣ было предложено лично переговорить съ Мин. Предсѣдат. Вечеромъ 13-го ко мнѣ пріѣхалъ Мин. Путей Сообщенія Юреневъ съ заявленіемъ, что, по постановленію Вр. Пр—ва, я могу выступить въ совѣщаніи 14 авг., но могу касаться только стратегическаго положенія на фронтѣ. Вечеромъ я переговорилъ по телефону съ Мин. Предсѣдателемъ, который заявилъ мнѣ, что члены правительства уже коснулись въ своихъ рѣчахъ всѣхъ вопросовъ, касающихся жизни арміи, потому выступленіе мое по тѣмъ же вопросамъ не признается желательнымъ, въ особенности не желательно расхожденіе по этимъ вопросамъ со взглядами Пр—ва. Я доложилъ, что я не считаю возможнымъ, выступая передъ представителями всей страны, ограничиться изложеніемъ только свѣдѣній о стратегическомъ положеніи страны, а считаю безусловно необходимымъ ознакомить страну съ истиннымъ состояніемъ ея вооруженныхъ силъ и указать, что необходимо, чтобы поднять ихъ боеспособность. Я доложилъ что я не позволю себѣ никакихъ рѣзкостей и нападокъ, поэтому прошу предоставить мнѣ свободу въ выборѣ темы рѣчи. Опредѣленнаго отвѣта А. Ф. Керенскій мнѣ не далъ. 14 авг. я выступилъ на совѣщаніи съ рѣчью, изъ которой воспроизвожу здѣсь конецъ.

18-го августа началось наступленіе нѣмцевъ фронтѣ XII арміи и утромъ 20 го августа пала Рига. Несмотря на то, что мѣсто вѣроятной переправы намъ было заранѣе извѣстно, несмотря на то, что распоряженіями Главнокомандующаго Сѣв. фр. и К—щимъ XII арміи, къ мѣсту прорыва были сосредоточенны значительные резервы,—войска наши безъ упорнаго сопротивленія отдали врагу сильно укрѣпленныя позиціи, прикрытыя первоклассной оборонительной линіей, р. Двиной. Нѣмцы переправились въ районѣ Икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія. Вопросъ объ оставленіи Икскюля, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Двины, былъ возбужденъ еще въ концѣ іюня,—окончательно рѣшенъ 6 іюня и къ 14 іюля эти укрѣпленія были очищены нами, т. е. за недѣлю до моего назначенія на постъ Верх. Главноком. На Рижскомъ фронтѣ повторилась приблизительная история Тарнопольскаго прорыва, за исключеніемъ кавалеріи, артиллеріи, пулеметныхъ командъ, партизанскихъ отрядовъ и очень немногихъ пѣхотныхъ частей, исполнившихъ свой долгъ передъ Родиной. Остальныя части пѣхоты почти не проявили устойчивости, отходили въ безпорядкѣ, бросая свою артиллерію и отдавая значительное число плѣнныхъ. Обративъ вниманіе на рѣзкую разницу донесеній о поведеніи войскъ въ бою К—щаго XII арм. ген. Парскаго и комиссара той же арміи я приказалъ Главнокомандующему арм. Сѣв. фр. назначить по этому дѣлу слѣдствіе и привлечь ген. Парскаго и комиссара Войтинскаго къ суду по обвиненію въ неправильности донесеній. Благодаря прорыву мы потеряли сильную оборонительную линію, потеряли Усть-Двинскъ, богатый гор. Ригу, много артиллеріи, различнаго рода запасы и кромѣ того наше положеніе на побережьи и Рижскаго Залива въ значительной мѣрѣ поколебалось. XII армія съ большими потерями, въ большемъ разстройствѣ отошли на Венденскія позиціи. Въ ставку стали поступать свѣдѣнія о подготовкѣ нѣмцами десантной операціи; получились свѣдѣнія

подготовкѣ транспортныхъ средствъ въ Либавѣ, Данцигѣ, о появленіи въ Балтійскомъ морѣ нѣмецкихъ судовъ, нѣмецкихъ тральщиковъ, производившихъ выдавливаніе минъ въ Ирбенскомъ проливѣ. Стали получаться свѣдѣнія о томъ, что нѣмецкіе аэропланы производятъ усиленную рекогносцировку у береговъ Даго и Эзеля, а нѣмецкія подводныя лодки стали устанавливать минныя загражденія въ проливахъ, ведущихъ съ сѣвера въ Рижскій заливъ. Все указывало, что нѣмцы готовятся къ производству десантной операціи въ сторону Ревеля и далѣе быть можетъ на Петроградъ. Въ это время я получилъ телеграммы о нашихъ потеряхъ при взрывѣ порохового завода и артиллерійскихъ складовъ въ Казани.

Пожаромъ было уничтожено до милліона артиллерійскихъ снарядовъ и 12 тысячъ пулеметовъ, предназначаемыхъ для отправленія въ армію. Были получены свѣдѣнія о покушеніи на уничтоженіе нашихъ заводовъ въ Одессѣ и готовящихся покушеніяхъ на другіе наши заводы и фабрики, работающіе на оборону. Съ другихъ фронтовъ получались также весьма неутѣшительныя свѣдѣнія. Въ XI арміи солдатами былъ звѣрски убитъ К—щій III дивизіи ген. Гиршфельдъ и комиссаръ арміи Линде. Изъ внутри страны я получилъ со всѣхъ сторонъ письма о насиліяхъ, творимыхъ надъ помѣщиками и о полной разрухѣ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. 24 августа, по моему приглашенію, въ ставку съѣхались комиссары и представители со всѣхъ фронтовъ для ознакомленія съ проектомъ новаго положенія о комиссарахъ и комитетахъ. 24 августа, когда было назначено открытіе съѣзда, въ ставку прибылъ Воен. Мин. Б. В. Савинковъ съ поѣзда проѣхалъ ко мнѣ. Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ встрѣчавшій его на вокзалѣ Н—къ Штаба ген.-л. Лукомскій и комиссаръ при Верх. Главноком. Филоненко. Савинковъ заявилъ, что желательно бы переговорить со мной наединѣ. Н—къ Штаба и комиссаръ вышли изъ моего кабинета. Г. Савинковъ сказалъ что г. Керенскій, признанный Вождь лѣвыхъ партій и я, на комъ, по его мнѣнію зиждятся всѣ надежды правыхъ политическихъ партій Россіи, должны идти рука объ руку и что несогласія между нами могли бы вызвать огромныя обостренія въ положеніи и, поэтому онъ считаетъ своей важнѣйшей задачей подготовить почву соглашенія между г. Керенскимъ и мной, съ цѣлью по нашей согласованной работѣ основать формированіе сильной крѣпкой власти.

Я заявилъ, что я не считаю себя вождемъ правыхъ партій, но не отрицаю я того, что несогласія между Керенскимъ и мной могли бы имѣть пагубныя послѣдствія. Я заявилъ, что я хотя не претендую на то, чтобы имѣть вліяніе на тотъ или другой составъ правительства, но разъ моимъ именемъ интересуются, то я считаю возможнымъ заявить, и открыто сказать, что считаю Керенскаго человѣкомъ слабохарактернымъ, легко поддающимся чужимъ вліяніямъ и, конечно, не знающимъ того дѣла, во главѣ котораго онъ стоитъ.

Лично я противъ него ничего не имѣю. И въ концѣ концовъ согласился, что при современномъ соотношеніи политическихъ партій, участіе Керенскаго въ составѣ правительства я признаю безусловно желательнымъ.

Затѣмъ я добавилъ, что я готовъ всемѣрно поддерживать А. Ф. Керенскаго, если это нужно для блага отечества, въ отвѣтъ на что Б. В. Савинковъ заявилъ мнѣ, что онъ счастливъ слышать отъ меня эти слова.

Все это подтверждено самимъ Савинковымъ при разговорѣ со мной по прямому телеграфному проводу 27 августа 5 ч. 30 м. дня.

Дальнѣйшій ходъ событій 24 августа и разговоровъ, содержаніе бесѣдъ моихъ съ г. Савинковымъ въ Могилевѣ 24 и 25 августа 1917 года. Въ этомъ протоколѣ возстановлено по памяти мною, ген. Лукомскимъ и Романовскимъ все,—о чемъ говорилось мною съ Савинковымъ, въ присутствіи двухъ названныхъ генераловъ.

Протоколъ гласитъ: 24 августа Савинковъ съ поѣзда пріѣхалъ прямо къ В. Гл. Одновременно съ нимъ пріѣхали Н-къ Штаба Верх. Гл. Г. Л. Лукомскій и комиссаръ при Верх. Глав. Филоненко. Войдя въ кабинетъ къ Главковерху и поздоровавшись съ нимъ, Савинковъ заявилъ, что ему хотѣлось бы переговорить съ ген. Корниловымъ съ глазу на глазъ ген. Лукомскій и Филоненко вышли изъ кабинета.

Разговоръ Савинкова съ ген. Корниловымъ коснулся установленія тѣсныхъ отношеній между ген. Корниловымъ и министромъ предсѣдателемъ Керенскимъ, т. к. Савинковъ считалъ, что оба эти лица будучи вождями различныхъ партій, должны работать рука объ руку. Затѣмъ Савинковъ показалъ ген. Корнилову тѣ проекты законовъ, которые выработаны для разсмотрѣнія Вр. Правительствомъ, на основаніи требованій, предъявленныхъ ген. Корниловымъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда, примѣрно въ 9 ч. вечера, въ кабинетѣ у ген. Корнилова собрались, кромѣ хозяина, Савинковъ, ген. л. Лукомскій и Филоненко. Сначала обсуждался вопросъ о комитетахъ и комиссарахъ, при чемъ Савинковъ и Филоненко высказались противъ Главкоюза ген. Деникина, который не можетъ наладить отношенія съ комиссаромъ и комитетомъ, и высказали опасеніе, что если во главѣ фронтовъ будутъ стоять такіе генералы, то трудно будетъ установить дружную работу, и это будетъ отражаться на состояніи войскъ.

Ген. Корниловъ и ген. Лукомскій горячо возстали противъ возможности легко убирать отличныхъ боевыхъ генераловъ изъ за того, что у нихъ являются иногда шероховатости въ работѣ съ комитетами.

Было высказано, что если новое положеніе о комиссарахъ и комитетахъ будетъ составлено вполнѣ опредѣленно, то никакихъ недоразумѣній не будетъ. Хорошихъ же боевыхъ генераловъ слишкомъ мало, чтобы ихъ выбрасывать за бортъ изъ за всякаго недоразумѣнія.

Затѣмъ Савинковъ предложилъ обсудить вопросъ объ установленіи границъ Петроградскаго Военнаго Губернаторства, которое предлагается Керенскимъ выдѣлить изъ состава Петроградскаго Военнаго Округа, при формированіи особой арміи, для обороны подступовъ къ Петрограду. Въ кабинетъ были приглашены ген.-м. Романовскій и полков. Барановскій (н-къ кабинета воен. министра), которые принесли карты, и полков. Барановскій доложилъ о тѣхъ границахъ губернаторства, которыя считаютъ нужными установить въ Петроградѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ границы были установлены.

До прихода ген. Романовскаго, послѣ доклада полков. Барановскаго о необходимости выдѣлить особое Петроградское военное губернаторство, Савинковъ, обращаясь къ ген. Корнилову сказалъ, почти дословно слѣдующее:—„Такимъ образомъ, Л. Г., ваши требованія будутъ удовлетворены Вр. Правительствомъ въ ближайшіе дни, но при этомъ правительство опасается, что въ Петроградѣ могутъ возникнуть серьезныя осложненія, вамъ конечно извѣстно, что примѣрно 28 или 29 августа въ Петроградѣ ожидается серьезное выступленіе большевиковъ.

Опубликованіе вашихъ требованій проводимыхъ черезъ Вр. Правительство, конечно послужитъ толчкомъ для выступленія большевиковъ,

если последнее почему-либо задержалось хотя въ нашемъ распоряженіи и достаточно войскъ, но на нихъ мы вполнѣ расчитывать не можемъ; тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, какъ къ новому закону отнесется С. Р. и С. Д. Послѣдній также можетъ оказаться противъ Правительства и тогда мы расчитывать на наши войска не можемъ.

Поэтому прошу васъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы 3-й конный корпусъ былъ къ концу августа подтянутъ къ Петрограду и былъ предоставленъ въ распоряженіе Правительства. Въ случаѣ, если кромѣ большевиковъ, выступятъ и члены С. Р. и С. Д., то конному корпусу прійдется дѣйствовать и противъ нихъ. Я только прошу васъ во главѣ 3-го коннаго корпуса не присылать ген. Крымова, который для насъ не особенно желателенъ. Онъ очень хорошій боевой генералъ но врядъ ли пригоденъ для такой операціи» —

Послѣ этого пришелъ ген. Романовскій и были окончательно установлены границы Петроградскаго Воен. Губернаторства. Затѣмъ Савинковъ вновь вернулся къ вопросу о возможномъ подавленіи, при участіи 3-го коннаго корпуса выступленія большевиковъ и С. Р. и С. Д., если послѣдній пойдетъ противъ Вр. Правительства. При этомъ Савинковъ сказалъ, что дѣйствія должны быть самыя рѣшительныя и безпощадныя

На это ген. Корниловъ отвѣталъ, что иныхъ дѣйствій и не понимаетъ, что инструкціи будутъ даны соотвѣтственныя и, что онъ вообще къ вопросу употребленія войскъ при подавленіи безпорядковъ относится серіозно и уже имъ отдавались приказанія о предан и суеу тѣхъ начальниковъ, которые допускаютъ стрѣльбу въ воздухъ, что и въ данномъ случаѣ разъ будетъ выступленіе большевиковъ и С. Р. и С. Д., то таковое будетъ подавлено со всей энергіей.

Полк. Барановскій, стоявшій около стола, съ своей стороны прибавилъ:—«Конечно, необходимо дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ и ударить такъ, чтобъ это почувствовала вся Россія».

Послѣ этого Савинковъ, обращаясь къ ген. Корнилову, сказалъ, что необходимо, дабы не вышло недоразумѣніе и чтобы не вызвать выступленіе большевиковъ раньше времени, предварительно сосредоточить къ Петрограду конный корпусъ, затѣмъ къ этому времени объявить Петр. Воен. Губ. на военномъ положеніи, и объявить новый законъ, устанавливающій цѣлый рядъ ограниченій.--

(Дабы Вр. Правительство точно знало, когда объявить Петр. Воен. Губ. на военномъ положденіи и когда опубликовать новый законъ, чтобы ген. Корниловъ точно протелеграфировалъ ему, Савинкову, о времени подхода корпуса къ Петрограду).

После этого Савинковъ и Барановскій ушли. Въ доказательство соглашенія ген. Корнилова съ Управ. Вн. Минист. Савинковымъ о подводѣ 3-го коннаго корпуса, приводимъ текстъ, телеграммы, отправленной Савинкову въ зашифрованномъ видѣ 27 августа въ 2 ч. 40 м.: *„Уровенмину. Корпусъ сосредоточится въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28 августа, Я прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29 августа № 6394. Ген. Корниловъ"*. Подлинный подписалъ ген. от. инфант. Корниловъ, г.-л. Лукомскій и г.-м. Романовскій.

Къ сказанному въ протоколѣ добавлю, что Упр-щій В. М. просилъ меня замѣнить, если представится возможность, кавказ. туз. дивизію дивизіей регулярной кавалеріи, т. к. *„неловко поручать утвержденіе русской свободы кавказскимъ горцамъ"*. Я обѣщалъ сдѣлать все возможное и поручилъ Нач. штаба запросить Сѣв. и Зап. фронты, нельзя ли будетъ изъ

наличныхъ на этихъ фронтахъ кавалерійскихъ дивизій дать бригаду (не казачью) въ распоряженіе ген. Крымова.

25 го августа Савинковъ уѣхалъ изъ Могилева, 25-го утромъ ко мнѣ явился В. Н. Львовъ, котораго въ бытность мою Гл-щимъ Петроградскимъ Воен. округомъ я видѣлъ раза два въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, зналъ, что онъ былъ членомъ Госуд. думы, оберъ-прокуроромъ Синода; и кромѣ обычныхъ привѣтствій при встрѣчѣ никакихъ разговоровъ съ нимъ я прежде не велъ.

Войдя ко мнѣ въ кабинетъ Львовъ сразу заявилъ мнѣ: *„Я къ вамъ отъ Керенскаго съ порученіемъ“*. Я подчеркиваю, что Львовъ былъ посланъ не мной, т. к. я его съ апрѣля мѣсяца не видѣлъ и слишкомъ мало зналъ, а пришелъ ко мнѣ отъ Керенскаго. Въ доказательство чего имѣлась записка о переговорахъ В. Н. Львова съ членомъ 1-ой Государственной Думы А. Ф. Аладьинымъ, переданная мнѣ 30-го августа. Упомянутаго въ этой замѣткѣ И. А. Добрынскаго я ни разу не видѣлъ и о переговорахъ, изложенныхъ въ запискѣ, мнѣ стало извѣстно только по прочтеніи этой записки, переданной мнѣ А. Ф. Аладьинымъ.

30-го августа В. Н. Львовъ заявилъ мнѣ, что, если по моему мнѣнію, дальнѣйшее участіе послѣдняго въ управленіи страной не дастъ власти необходимой силы и твердости, то Керенскій готовъ выйти изъ состава Правительства. Если Керенскій можетъ расчитывать на поддержку, то онъ готовъ продолжать работу.

Львовъ просилъ меня высказать мое мнѣніе. Я очертилъ общее положеніе страны и арміи въ связи съ послѣдними данными (положеніе дѣлъ на фронтѣ, приготовленіе нѣмцевъ къ производству десанта на побережьи Рижскаго залива и возможность дальнѣйшаго развитія этихъ операцій въ направленіи на Ревель и Петроградъ, извѣстіе объ убіеніи солдатами начальника III пѣхотной дивизіи ген. Гиршфельда и комиссара XI арміи Ланде, пожаръ пороховыхъ и артиллер. складовъ въ Казани), заявилъ, что по моему глубокому убѣжденію, единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія страны является *установленіе диктатуры и немедленное объявленіе страны на военномъ положеніи.*

Я заявляю, что лично я не стремлюсь къ власти, и готовъ немедленное подчиниться тому, кому будутъ вручены диктаторскія полномочія— будь то самъ А. Ф. Керенскій, ген. Алексѣевъ, ген. Каледин или другое лицо.

Львовъ заявилъ, что не исключаетъ возможность такого рѣшенія, что въ виду тяжелаго положенія страны Вр. Пра-вомъ въ его нынѣшнемъ составѣ само прійдетъ къ сознанію необходимости установленія диктатуры и весьма возможно предложить это мнѣ.

Я заявилъ, что если такъ случится, то всегда держался мнѣнія, что только твердая власть можетъ спасти страну, я отъ такого предложенія не отказался-бы, Я просилъ В. Н. Львова передать А. Ф. Керенскому, что не зависимо отъ моихъ взглядовъ на его характеръ и его отношеніе ко мнѣ, я считаю участіе въ управленіи страной самого Керенскаго и Савинкова безусловно необходимыми, кромѣ того, я прошу передать, что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ въ Петроградѣ въ ближайшие дни готовится выступленіе большевиковъ и на А. Ф. Керенскаго готовится покушеніе, поэтому я прошу Керенскаго пріѣхать въ Ставку, чтобы съ нимъ договориться окончательно, я просилъ передать ему, что я честнымъ словомъ гарантирую его полную безопасность въ Ставкѣ.

Выслушавъ мое заявленіе Львовъ [illegible] сказалъ *„Генералъ, вы благородный человѣкъ“*. Въ концѣ [illegible] въ ка[illegible]

затѣмъ ко мнѣ вошелъ съ докладомъ В. С. Завойко, исполняющій обязанности моего ординарца. Въ его присутствіи я еще разъ повторилъ В. Н. Львову суть сдѣланныхъ мною заявленій.

26 августа заканчивались занятія съѣзда комиссаровъ и председателей армейскихъ комитетовъ. Я выступилъ тамъ съ рѣчью, въ которой коротко очертивъ тяжелое положеніе страны, призвалъ командный составъ; комиссаровъ и комитеты къ дружной работѣ, для поднятія боеспособности нашей арміи. Въ рѣчи я отмѣтилъ также, что пока я останусь у власти я никогда не сдопущусь на участіе военныхъ комитетовъ въ дѣлѣ аттестаціи командного состава. Пунктъ этотъ былъ включенъ въ проэктъ положенія о комитетахъ, разработанный въ Воен. Мин. 24 августа при обсужденіи его со мной Управляющимъ В. М. Савинковымъ, въ виду моего категорическаго протеста противъ права участія комитетовъ въ аттестаціи командного состава.

Савинковъ и Филоненко мнѣ заявили, что пунктъ это будетъ безусловно исключенъ изъ проэкта, я настаивалъ что пунктъ этотъ не подлежитъ даже оглашенію на съѣздѣ, но смотря на ихъ заявленія означенный пунктъ былъ оглашенъ на съѣздѣ и включенъ въ новый обнародованный уже законъ о правахъ комитетовъ.

25-го же вечеромъ у меня въ кабинетѣ собрались комиссары Филоненко, В. С. Завойко и А. Ф. Аладьинъ. Разговоръ вновь коснулся тяжелаго состоянія страны и необходимости имѣть во главѣ ея сильную власть. Я предложилъ имъ, считая ихъ людьми хорошо знающими, нашими наиболѣе выдающимися общественными дѣятелями и имѣлъ въ виду мой разговоръ съ Савинковымъ и Львовымъ «намѣтить такую схему организаціи власти и состава Правительства, которые включая въ себѣ лучшія силы всѣхъ главныхъ политическихъ партій страны, могли бы дать ей правительство твердое, работоспособное и пользующееся полнымъ довѣріемъ страны и арміи.

Былъ набросанъ проэктъ совѣта народной обороны съ участіемъ Верх. Главнок. въ качествѣ председателя, Керенскаго министра заместителя, Савинкова, Алексѣева, Колчака и Филоненко. Этотъ совѣтъ обороны долженъ былъ осуществить коллективную диктатуру, т. к. установленіе единоличной диктатуры было признано нежелательнымъ. На посты другихъ министровъ назначались Тартамышевъ, Третьяковъ, Покровскій гр. Игнатьевъ, Аладьинъ, Плехановъ, гр. Г. Е Львовъ и Завойко, За исключеніемъ кн. Львова, Аладьина и Завойко съ другими не знакомъ.

О моемъ взглядѣ на необходимость власти комиссарт Филоненто въ ту же ночь сообщилъ по прямому проводу Савинкову, что подтверждено было последующимъ разговоромъ со мной по прямому проводу 27 августа. Въ тотъ же вечеръ я былъ приглашенъ къ аппарату и имѣлъ разговоръ съ Министромъ Председателемъ и В. Н. Львовымъ.

Разговоръ этотъ согласно записей на телеграфной лентѣ; заключается въ слѣдующемъ: Здравствуйте генералъ. У телеграфа В. Н. Львовъ и Керенскій, просимъ подтвердить, что Керенскій можетъ дѣйствовать согласно свѣдѣній, переданныхъ В. Н.—Здравствуйте А. Ф. Здравствуйте Вл. Н. Вновь подтверждаю тотъ очеркъ положенія, въ которомъ мнѣ представляется страна и армія, очеркъ сдѣланный мной В. Н. съ просьбой доложить вамъ, я вновь заявляю, что событія последнихъ дней и вновь намѣчающіяся, повелительно требуютъ вполнѣ определеннаго рѣшенія въ самый короткій срокъ.—Я, Вл. Ник. васъ спрашиваю: то определенное рѣшеніе нужно исполнить, о которомъ вы просили извѣстить меня Алек. Ф., только совершенно лично безъ этого подтвержденія лично отъ васъ, А.

Ф. колеблется мнѣ вполнѣ довѣрять,—Да, подтверждаю, что я просилъ васъ передать А. Ф. мою настойчивую просьбу пріѣхать въ Могилевъ.—Я, А. Ф. понимаю вашъ отвѣтъ, какъ подтвержденіе словъ, переданныхъ мнѣ В. Н. Сегодня это сдѣлать и выѣхать нельзя, надѣюсь выѣхать завтра. Нуженъ ли Савинковъ?—Настоятельно прошу, чтобы Б. В. пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами".

Сказанное мной В. Н. въ одинаковой степени относится и къ Б. Вик.—Очень прошу не откладывать вашего выѣзда позже завтрашняго дня. Прошу вѣрить, что только сознаніе отвѣтственности момента заставляютъ меня такъ настойчиво просить васъ. Пріѣзжать ли въ случаѣ выступленія, о которомъ идутъ слухи или во всякомъ случаѣ?—Во всякомъ случаѣ.—Досвиданія. Скоро увидимся.—Досвиданія.

Не допуская мысли, чтобы Львовъ членъ Государственной Думы и бывшій членъ Вр. Правительства хотъ по какимъ бы то ни было побужденіямъ исказить точный смыслъ сказаннаго имъ мною, я подтвердилъ по аппарату только приглашеніе свое А. Ф. Керенскому пріѣхать въ Ставку, твердо надѣясь объясниться съ нимъ здѣсь и прійти къ окончательному соглашенію. При свиданіи съ нимъ я предполагалъ обсудить указанную выше схему организаціи власти и состава Правительства.

Къ участію въ обсужденія вопроса о состояніи страны и мѣръ для спасенія ея арміи отъ окончательнаго развала я хотѣлъ привлечь М. В. Родзянко, кн Г. Е. Львова и П. Н. Милюкова, которымъ были посланы телеграммы съ просьбой прибыть 29 августа въ Ставку. Я ждалъ, что 27 августа М. В. выѣдетъ въ Ставку утромъ, 27 августа я получилъ телеграмму за подписью „Керенскій", но безъ номера съ указаніемъ сдать вр. должность Верх. Глав. генералу Лукомскому и не ожидая прибытія новаго Главнокок. выѣхать въ Петроградъ.

Зная, что въ Петроградѣ наканунѣ разсматривался въ засѣданіи Врем. Правительттва проэктъ распространенія закона о смертной казни на внутренніе округа Россіи, что должно было сильно отразиться на боеспособности арміи въ благопріятную сторону и ослабить [illegible] выступленія лѣвой партіи, я пришелъ къ убѣжденію, что Правительство снова подпало подъ вліяніе безотвѣтственныхъ организацій и, отказываясь отъ твердого проведенія предложенной мной программы оздоровленія арміи, рѣшило устранить меня, какъ главнаго иниціатора указанныхъ мѣръ.

Въ виду тягчайшаго положенія страны и арміи, я рѣшилъ должность Верх. Главнокомандующаго не сдавать и выяснить предварительно обстановку. Объясняя объ этомъ ген. Лукомскому я спросилъ его намѣренъ ли онъ принять отъ меня обязанности Верх. Главноком. Ген. Лукомскій доложилъ мнѣ, что при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ страны и арміи онъ не считаетъ возможнымъ замѣнить меня на посту Верх. Главн. и доложилъ мнѣ проэктъ телеграммы Вр. Правительству за № 6406. Одобривъ проэктъ этой телеграммы я приказалъ мое рѣшеніе и рѣшеніе генерала Лукомскаго довести до свѣдѣнія Главноком. всѣхъ фронтовъ, что и было сдѣлано телеграммой ген. Лукомскаго отъ 27 августа за № 6412.

Въ 5 ч. 50 м. дня въ тотъ же день я переговорилъ по прямому телеграфному проводу съ Управ. Воен. Мин. Б. В. Савинковымъ, которому заявилъ, что въ виду создавшихся условій я не считаю возможнымъ уйти со своего поста.

28 августа мнѣ была доложена копія телеграммы отъ министра Предсѣдателя № 710 на имя ген. Клембовскаго о назначеніи его вр. и. д. Верх. Главн. съ оставленіемъ его въ [illegible] съ

должности Глав. Сѣв. фронтомъ. На этой телеграммѣ я положилъ слѣдующую резолюцію: 27 августа Вр. Правительство объявило меня измѣнникомъ Родины и потребовало отмѣны приказа о движеніи частей 3-го коннаго корпуса, сосредоточивающагося въ окрестностяхъ Петрограда.

Имѣя въ виду: 1) предыдущее распоряженіе того же Вр. Правительства о направленіи 3-го коннаго корпуса къ Петрограду для подавленія большевитскаго движенія, 2) принципіальное соглашеніе Правительства на предложенную программу мѣръ для оздоровленія арміи, 3) бесѣда съ Савинковымъ, и 4) свѣдѣнія объ усилившемся давленіи совѣта на Правительство,—я пришелъ къ выводу, что Правительство окончательно подпало подъ вліяніе Совѣта, для борьбы съ которымъ Правительсcво само вызывало войска.

А потому, опираясь на заявленія Главноком. Сѣв., Зап., Ю.—З. и Рум. фронтовъ въ телеграммахъ за №№, я рѣшилъ выступить открыто и, производя давленіе на правительство заставить его исключить изъ своего состава *тѣхъ министровъ, которые, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, были явными предателями Родины,* перестроится такъ, чтобы странѣ была дана сильная и твердая власть. Для оказанія давленія на Вр. Правительство я рѣшилъ воспользоваться 3 кон. корп. ген. Крымова, которому я приказалъ продолжать сосредоточеніе его корпуса къ Петрограду.

Исторія появленія этого корпуса въ районѣ Пскова, Великія Луки и Луги такова: въ концѣ апрѣля, занимая должность Главноком. войсками Петроградскаго воен. округа я, предвидя возможность паденія Риги, развитія операцій нѣмцевъ на побережьи Рижск. и Финск. заливовъ и Финляндіи, приказалъ разработать въ Шт. Петр. В. О. проэктъ формированія отдѣльной Петроградской арміи съ возложеніемъ на нее задачъ: оборона подступовъ къ Петрограду черезъ Финляндію, южнымъ берегомъ Риж. залива и моремъ черезъ Финляндскій заливъ.

Въ составъ этой арміи предполагалось включить войска, расположенные въ Финляндіи въ районѣ Ревеля, и весь Петроградскій гарнизонъ. Проэктъ этого доклада былъ мною доложенъ примѣрно 29—30 апрѣля быв. Верх. Главноком. ген. Алексѣеву, имъ одобренъ и имъ же былъ въ Шт. П. В. О въ присутствіи моемъ, г.-м. Серебрянникова продиктованъ нач. Шт. Г. Шт. пол. Балабину, проэктъ приказа Верх. Главн. о сформированіи этой арміи.

Въ виду того, что черезъ нѣсколько дней я былъ назначенъ командующимъ VIII арміи, проэктъ этотъ видимо не получилъ осуществленія. Принявъ должность Верх. Гл. я, озабоченный принятіемъ мѣръ для обезпеченія нашего положенія на путяхъ, ведущихъ къ столицѣ Петрограду, приказалъ снова Штабу разработать вопросъ о сформированіи особой Петроградской арміи со включеніемъ въ нее Балтійскаго флота и о соединеніи Сѣв. и Зап. фр-овъ въ одинъ С.-Зап. со штабомъ въ Витебскѣ. Приказъ о сформиров. Петр. арміи былъ подписанъ мною 26 августа, но въ войска онъ не разсылался въ виду того, что выдѣленіе этой арміи и соединеніе фронта я предполагалъ только произвести тогда, когда обстановка вынудитъ насъ отходить съ Венденскихъ позицій. На должность к-щаго Петр. арміей мною былъ предназначенъ к-ръ 3 кон. кор. ген.-л. Крымовъ, одинъ изъ лучшихъ, энергичныхъ и рѣшительныхъ генераловъ нашей арміи.

Ген. Крымовъ былъ вызванъ мною осв... съ соображеніями по оборонѣ подступовъ къ Петроград, черезъ Финл. и отъ побережья Рижскаго залива, а также приступить къ постепенному сформированію Шт. арміи

Въ составъ Петрогр. арміи было предположено включить войска, расположенныя въ Финл., Петрогр. гарнизона, гарнизона Ревельск. укрѣпл. района, два правофланговыхъ корпуса XII арм. и части, направленныя мною, на усиленіе Сѣв. фронта съ Ю.-З. фр-та, а именно Кавк. туз. кон. див-зія и 3 конный корпусъ.

Необходимость перевозки этихъ конныхъ частей на Сѣв. фр. почувствовалась еще раньше, когда обозначилась возможность наступленія нѣмцевъ противъ Риги. Поэтому распоряж. о перевозкѣ Кавк. туземн. конной дивизіи изъ VII арміи было сдѣлано телеграммой отъ 7 августа № 5820 и первый ея эшелонъ былъ отправленъ съ Ю.-З. фронта 10 августа. Дивизія была направлена въ районъ Великія Луки, Невель и Дно, гдѣ было указано переформировать ее по прибытіи Осетинской пѣшей бригады и двухъ туземн. кон. полковъ 3 кавк. кон. дивизіи въ Кавказ. туземн. конный корпусъ.

Распоряженіе о перевозкѣ 3 конн. корп. изъ Волочиска было отдано 12 августа тел-мой № 5955, при чемъ было указано, что перевозку начать немедленно за послѣднимъ эшелономъ Кавк. туз. дивизіи.

Всѣ эти части были взяты не съ фронта, а изъ глубокихъ резервовъ арміи и фронта Ю. З. и Румынскаго. Такимъ образомъ отправленіемъ этихъ войскъ, боевыя линіи ни гдѣ не были разрѣжены или ослаблены. Кромѣ того, въ виду обозначавшейся возможности наступленія нѣмцевъ въ районѣ Якобштата и Двинска было телеграммой отъ 21 авг. № 6187, приказано отправить къ посадкѣ другую дивизію и подготовить къ посадкѣ другую дивизію для отправленія также на Сѣв. фронтъ. Для отправленія также на Сѣв. фр. мной были выбраны Кавк. туз. кон. дивизія и 3 кон. корп. потому, что въ тылу за расположеніемъ Сѣвер. фр. и поблизости къ Петрограду я желалъ имѣть части, способныя устоять отъ разлагающагося вліянія Петр. Сов. С. и Р. депутатовъ. Приказъ о формир. Петрогр. арміи, какъ было сказано выше, мной былъ подписанъ 26 августа, т. к. только 24 августа изъ телеграммъ № 10085 36848 мнѣ было сообщено Мин. Предс. согласіе Правительства на подчиненіе мнѣ всей территоріи Петрогр. В. О., которая должна была войти въ районъ Петрогр. арміи.

Ген. Крымовъ отправился въ районъ расположенія своихъ частей вечеромъ 25 августа, передъ отъѣздомъ, въ дополненіе къ предписанію о подчиненіи ему Кавк. туз. дивизіи я ему далъ двѣ задачи: 1) въ случаѣ, по полученіи свѣдѣній отъ меня непосредственно на мѣстѣ о началѣ выступленія большевиковъ, двинутся съ корпусомъ на Петроградъ, занять городъ, обезоружить части Петрогр. гарнизона, которыя примкнутъ къ движенію большевиковъ, обезоружить населеніе Петрограда и разогнать совѣты, 2) по окончаніи исполненія этой задачи ген. Крымовъ долженъ былъ выдѣлить одну бригаду съ артиллеріей въ Ореніенбаумъ и по прибытіи туда потребовать отъ Кронштадскихъ частей разоруженія крѣпости и переходъ на материкъ.

Согласіе Мин. Предс. на разоруженіе Кронштадта и выводъ его гарнизона послѣдовало 8 авг. и докладъ объ этомъ Морск. Ген. Штаба съ резолюціей Мин. Предс. былъ представленъ Нач-ку Штаба Верхов. Главн. при письмѣ адмир. Максимова. На случай необходимости усилить войска ген. Крымова мной было приказано ком ру 1-го кон. корпуса поступить въ распоряженіе ген Крымова съ двумя полками 5 Куб. каз. дивизіи, сосредоточенными въ районѣ между Выборгомъ и Петроградомъ. Екатеринославскій казачій полкъ этой дивизіи былъ оставленъ въ Гельсингфорсѣ

по требованію [illegible] г. Стаховича для поддержанія тамъ порядка въ виду [illegible] тамъ возстанія большевиковъ, кромѣ того флоту было послано приказаніе: въ случаѣ если въ г. Гельсингфорсѣ возникнутъ безпорядки, то [illegible] артиллеріи разгромить городъ. Телеграмма съ этимъ приказомъ за подписью ген. Лукомскаго была мной одобрена и на ней имѣется вверху моя собственная подпись.

Въ виду ненадежности нѣкоторыхъ частей Ревельскаго укрѣпленнаго района я приказалъ перевезти изъ г. Проскурова, т. е. глубокаго резерва, стоявшій въ этомъ городѣ на отдыхѣ [illegible] пѣх. полкъ, какъ тогда [illegible] изъ наиболѣе бодрыхъ и надежныхъ частей. Головные эшелоны этого полка проходили черезъ Могилевъ 27 августа и полкъ былъ мною задержанъ въ виду разыгравшихся событій. Ген. Крымова я больше не видѣлъ.

Не выполненіе имъ возложенной на него задачи я приписываю тому, что съ [illegible] была прервана связь и онъ не могъ получить послѣднихъ моихъ указаній. Особыхъ мѣръ для поддержанія съ нимъ связи не было принято потому что корпусъ направлялся къ Петрограду по требованію Вр. Правительства, и я не могъ предвидѣть такого положенія дѣлъ, что связь его будетъ прервана распоряженіемъ Вр. Правительства. 29 августа [illegible] ему указанія продолжать движеніе и, въ случаѣ дальнѣйшаго [illegible] дѣйствовать сообразно съ обстановкой въ духѣ моихъ первоначальныхъ указаній.

[illegible] послано съ офицеромъ-летчикомъ, фамилію не помню, но [illegible] мнѣ не извѣстно.

Узнавъ 30 августа изъ разговоровъ по прямому проводу о смерти ген. Крымова, я [illegible] мѣрой для безкровной и безболѣзненной для страны и арміи ликвидаціи столкновенія моего съ Мин. Предсѣдателемъ г. Керенскимъ, было сдѣлано распоряженіе о неисполненіи моихъ оперативныхъ приказовъ, я, какъ только вошелъ въ связь съ ген. Алексѣевымъ, потребовалъ отмѣны этого распоряженія.

Затѣмъ я заявилъ черезъ генерала Алексѣева Временному Правительству, что я приму немедленно мѣры къ успокоенію тѣхъ круговъ, которые послѣдовали за мной, какъ только выяснится, что Вр. Правительство стало на путь созданія твердой власти и, наконецъ, я настоятельно просилъ ген. Алексѣева ускорить его пріѣздъ въ Ставку и, какъ только я получилъ свѣдѣнія, что онъ выѣхалъ, я немедленно отдалъ приказъ частямъ Могилевскаго гарнизона сохранять полное спокойствіе и подчиниться ген. Алексѣеву по пріѣздѣ его въ Ставку.

Получивъ 30 августа распоряженіе Вр. Правительства, что запрещеніе исполнять мои приказанія отмѣнено, я немедленно отдалъ приказаніе продолжать намѣченныя стратегическія перевозки для усиленія Сѣвернаго фронта.

Изъ этого слѣдуетъ, что генералъ обвиненный г. Керенскимъ въ измѣнѣ и предательствѣ родины, тѣмъ не менѣе до вечера 1 сентября оставался руководителемъ обороны государства ни въ какихъ заговорахъ я не состоялъ, а всегда поддерживалъ и буду поддерживать тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ одной задачѣ спасти страну отъ гибели и вывести армію изъ [illegible] развала. Во всѣхъ своихъ разговорахъ съ представителями различныхъ политическихъ партій я всегда заявлялъ, *что всегда буду стоять за то, что судьбу Россіи и вопросъ о формѣ правленія страны должно установить учредительное собраніе*, которое одно лишь можетъ и должно выразить державную волю русскаго народа о его дальнѣйшей

судьбѣ. Я заявилъ, что никогда не буду поддерживать ни одной комбинаціи, *которая имѣетъ цѣлью возстановленіе дома Романовыхъ* считая что эта династія, въ лицѣ ея послѣднихъ представителей, сыграла роковую роль въ жизни родины.

Мнѣ не было извѣстно ни одной организаціи которая бы стремилась къ достиженію такихъ же цѣлей, во имя которыхъ дѣйствовалъ я. Когда выступилъ противъ Министра Предсѣдателя, офицеры штаба, узнавъ объ этомъ, немедленно и точно исполняли мои приказанія. Принявъ на себя такую отвѣтственность, я не допускалъ даже мысли, чтобы кто либо не исполнялъ моихъ приказаній. Мотивы моего выступленія и послѣдовательность его развитія видны изъ приказовъ № 897 и 900, отданныхъ мною 28 и 29 августа и обращенія къ народу и казакамъ.

Бывшаго командующаго войсками Московскаго Военнаго Округа нынѣ ген. маіора Верховскаго я видѣлъ 26—VIII; онъ былъ приглашенъ въ Ставку, для обсужденія вопроса объ установленіи въ странѣ диктатуры какъ неизбѣжнаго слѣдствія тяжелаго положенія страны. Полковникъ Верховскій высказался что по его мнѣнію, установленіе единоличной диктатуры, могло бы вызвать большія потрясенія въ странѣ, диктатура же коллективная, могла быть осуществлена съ меньшими потрясеніями. Въ бесѣдѣ нашей никакого конкретнаго—ни именъ, ни времени не указывалось. Я просилъ полк. Верховскаго остаться въ Ставкѣ еще на слѣдующій день, имѣя намѣреніе переговорить съ нимъ по вопросамъ, разрабатываемымъ въ Штабѣ, но въ виду его заявленія, что онъ долженъ спѣшить въ Москву, я распростился съ нимъ.

Съ генераломъ Калединымъ мы старые боевые товарищи, мы оба, командуя дивизіями, бились рядомъ въ бояхъ подъ Львовомъ, въ маѣ мѣсяцѣ этого года я принялъ послѣ него VIII армію. Какъ старый боевой офицеръ, съ болью въ сердцѣ смотрящій на развалъ нашей, нѣкогда могучей арміи и какъ казакъ по рожденію, я съ глубокимъ сочувствіемъ отношусь къ ген. Каледину—этому рыцарю нашего казачества.

Незадолго передъ Московскимъ совѣщаніемъ, Предсѣдатель Совѣта Союза Войскъ В. Ст. Дутовъ, пріѣзжавшій ко мнѣ въ Ставку по дѣламъ Совѣта, просилъ меня послать телеграмму ген. Каледину съ предупрежденіемъ, что его собираются арестовать въ Москвѣ во время совѣщанія. Послана ли была такая телеграмма я не помню, но замѣтка о просьбѣ Войск. Стар. Дутова сохранилась на оторванномъ листкѣ моего блокнота, найденномъ у меня въ кабинетѣ. Съ Калединымъ я видѣлся 13 августа, когда ген. Каледин, отъ имени казачества, привѣтствовалъ меня по случаю пріѣзда въ Москву. Вечеромъ того же дня онъ былъ у меня въ вагонѣ, и мы бесѣдовали съ нимъ на темы о состояніи страны, и арміи, и о содержаніи рѣчей, съ которыми мы предполагали выступить на Совѣщаніи 29 августа Я послалъ ген. Каледину письмо съ моимъ ординарцемъ Завойко, въ которомъ оріентировалъ его въ положеніи дѣлъ и просилъ его съ своей стороны оказать давленіе на Врем. Правительство. Дошло ли это письмо—мнѣ не извѣстно. Въ виду полученныхъ мной отъ ген. губ. Финляндіи свѣдѣній о тревожномъ положеніи въ краѣ, 25—VIII телег. № 6314, я предложилъ ген. Каледину одну изъ донскихъ дивизій, формировавшихся въ области и предназначенныхся къ отправкѣ на Кавказскій фронтъ, направить въ Финляндію черезъ Москву. 30 VIII послѣ переговоровъ моихъ съ ген. Алексѣевымъ распоряженіе это было отмѣнено телеграммой № 11766.

Съ чл. 1 Государственной Думы А. Ф. Аладьинымъ раньше я не былъ знакомъ. 31—VIII когда я былъ въ Петроградѣ, онъ прибылъ изъ

А[illegible] ко мнѣ въ ваго[illegible] съ привѣтомъ отъ Глав[illegible] [illegible] д. арміи ген. Робертсона, которому [illegible] отъѣздомъ въ Россію. Разговоръ нашъ [illegible] минутъ и касался исключительно состоянія и организаціи [illegible] А[illegible]дьинъ пробылъ нѣкоторое время. Второй разъ я е[illegible] въ Москвѣ во время Государственнаго Совѣщанія. Мы о[illegible]нялись [illegible] нашими впечатлѣніями по поводу рѣчей, произнесенныхъ [illegible] засѣданія.

А[illegible] показался мнѣ человѣкомъ очень интереснымъ, отлично знакомымъ съ настроеніемъ политическихъ круговъ въ Россіи, Англіи, Америки и Франціи, почему я и пригласилъ его навѣстить меня въ Ставкѣ. Онъ пріѣхалъ [illegible] 24 или 25 авг.—точно не помню—остался моимъ гостемъ и былъ застигнутъ событіями въ Могилевѣ. Когда возникъ вопросъ о возможности измѣненія въ составѣ Вр. Пр. я интересовался его мнѣніемъ о представителяхъ нашихъ крупныхъ политическихъ партій.

Съ В. С. Завойко я познакомился въ началѣ м-цѣ этого года въ Петроградѣ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предводителемъ дворянства, Гайсинскаго уѣзда Кам.-Подольской губ., работалъ на нефтяныхъ промыслахъ Нобеля въ Баку и, по его разсказамъ, занимался изслѣдованіемъ горныхъ породъ въ Туркестанѣ и Запад. Сибири. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ пріѣхалъ въ Черновицы и зачислившись добровольцемъ въ Кабардинскій полкъ, остался въ штабѣ арміи въ качествѣ личнаго при мнѣ ординарца. Владѣетъ перомъ. Поэтому я поручалъ ему составленіе тѣхъ приказовъ и бумагъ, гдѣ требовался особенно сильный, художественный стиль.

По моему приказанію, и по моимъ указаніямъ, имъ составлена телеграмма съ начальствующимъ лицамъ, и обращеніе къ народу, выпущенные мною 27 и 28 августа приказы за №№ 897 и 9.., стоящіе 28 и 29 августа, были написаны по моему приказанію, и по моимъ указаніямъ, въ Штабѣ, а воззваніе къ казакамъ составлено лично мною.

Съ штабсъ-капитаномъ Филоненко я впервые познакомился въ маѣ настоящаго года; онъ прибылъ въ VIII армію, которой я командовалъ, въ качествѣ комиссара Временнаго Правительства. Въ іюнѣ, во время подготовки арміи къ наступленію, онъ проявилъ много умѣнья, энергіи, настойчивости и рѣшительности въ дѣлѣ согласованія работы командного состава съ комитетами, и при водвореніи порядка въ частяхъ, въ которыхъ обозначилось рѣзкое нарушеніе дисциплины и порядка, а въ бояхъ, во время Станиславовскаго прорыва, принимая непосредственное участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ войскъ, проявилъ много личнаго мужества и воинской доблести. Съ назначеніемъ моимъ Главнокомандующимъ Юго-Западнаго фронта, штабсъ-капитанъ Филоненко былъ назначенъ фронтовымъ комиссаромъ, а затѣмъ комиссаромъ Временнаго Правительства при Верховномъ Главнокомандующемъ. Онъ былъ открытымъ сторонникомъ проведенія твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, въ дѣлѣ оздоровленія арміи и страны, пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ и былъ посвященъ въ мои пожеланія и предложенія относительно необходимыхъ измѣненій въ составѣ Временнаго Правительства, измѣненій, которыя по моему мнѣнію, могли обезпечить странѣ власть—*твердую, работоспособную и честную.*

Къ нѣкоторымъ изъ моихъ сотрудниковъ по Штабу и, въ частности, къ генераламъ Лукомскому и Тихменеву, штабсъ-капитанъ Филоненко относился съ недовѣріемъ, и даже пытался подготовить почву, для удаленія генераловъ Лукомскаго и Тихменева изъ Ставки, но я рѣшительно

этому беспротивился, считая, что право и отвѣтственность за выборъ помощниковъ должна лежать всецѣло на начальникахъ и сложность работы въ Штабахъ, особенно въ высшихъ, несравненно важнѣе, чѣмъ принадлежность къ какимъ либо политическимъ партіямъ.

Штабсъ-капитанъ Филоненко неоднократно докладывалъ мнѣ, что дѣятельность Главнаго Комитета Союза офицеровъ арміи и флота внушаетъ опасеніе и другимъ комиссарамъ, поэтому я согласился на переводъ Главнаго Комитета въ Москву и въ этомъ направленіи 21—22 августа далъ указаніе Предсѣдателю Комитета подполковнику Новосильцеву. 27 августа штабсъ-капитанъ Филоненко доложилъ мнѣ, что онъ предполагаетъ отправиться немедленно въ Петроградъ. Находя, что присутствіе его въ Ставкѣ, въ виду еще не выяснившагося положенія въ вопросѣ о сдачѣ мной должности Верховнаго Главнокомандующаго, представляется мнѣ болѣе полезнымъ для дѣла, и, кромѣ того, имѣя свѣдѣнія, что противъ штабсъ-капитана Филоненко существуетъ большое возбужденіе въ офицерскихъ кругахъ, я предложилъ ему остаться въ г. Могилевѣ, или отложить свой отъѣздъ до 28 августа, заявивъ, что ему 27 августа не будетъ предоставлено мѣста въ вагонѣ, ни въ автомобилѣ.

Штабсъ-Капитанъ Филоненко доложилъ мнѣ, что онъ получилъ приказаніе ѣхать въ Петроградъ, и желалъ бы получить удостовѣреніе, что онъ не исполнилъ этого приказанія не по своей винѣ. Тогда я послалъ телеграмму управляющему военнымъ министерствомъ, что штабсъ-капитанъ Филоненко задержанъ мной. Ни какому аресту штабсъ-капитанъ Филоненко не подвергался, а въ ночь съ 27 на 28 августа ему, для слѣдованія въ Петроградъ, былъ предоставленъ экстренный поѣздъ.

Помощникъ комиссара г. Фонвизинъ былъ задержанъ вслѣдствіе неправильно понятаго дежурнымъ офицеромъ приказанія. Какъ только мнѣ было доложено о задержаніи г. Фонвизина, я пригласилъ его немедленно къ себѣ, приказалъ освободить его и вернуть отобранный у него револьверъ.

VI.

Мой милый другъ! Наконецъ Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ ген. Корниловъ, съ именемъ котораго, послѣ событій на юго-западномъ фронтѣ, связано движеніе оздоровленія арміи. Насколько всѣ истрадались и ждутъ твердой власти можно судить по тому огромному количеству телеграммъ, которыя получаются со всѣхъ концовъ необъятной нашей родины, которыя привѣтствуютъ новаго Верховнаго Главнокомандующаго и большая часть телеграммъ говоритъ о его несмѣняемости, въ особенности это прямо высказывается въ телеграммахъ съ фронта. Но вся бѣда въ томъ, что наше настоящее правительство во главѣ съ геніемъ говоренія Керенскимъ страдаетъ отсутствіемъ твердой программы и воли,—оно находится на помочахъ Петроградскаго Совдепа, а потому едва ли Корниловъ долго удержится на своемъ новомъ посту.

Лавръ Георгіевичъ генералъ Корниловъ своей политикой на Ю.-З. фронтѣ доказалъ, что онъ сторонникъ рѣшительныхъ мѣръ, и навѣрно будетъ настаивать на введеніе смертной казни не только на Ю.-З. ф., но и на остальныхъ фронтахъ.

Чтобы увѣреться и имѣть въ своихъ рукахъ какую-либо часть онъ привелъ съ собой въ Ставку Текинскій конный полкъ.—Вотъ часть, пожалуй единственная изъ Русской арміи, которая осталась въ рукахъ своихъ начальниковъ. Корнилова они уважаютъ и каждое слово бояра для нихъ Святое Святыхъ.

Мѣстный Совдепъ конечно немедленно окрестилъ этотъ полкъ контръ-революціоннымъ и рѣшилъ обратить на него самое серьезное вниманіе, дабы разагитацией полка углубить революцію.

По ставкѣ ходитъ анекдотъ, что когда одинъ изъ представителей славнаго совдепа обратился къ всаднику съ вопросомъ, за какой онъ режимъ—за старый или новый, то тотъ его понялъ по своему и отвѣтилъ: „Старый режимъ, малый режимъ, какой прикажутъ такой режимъ“. Совдепъ не унимается и 6 эскадронъ полка, въ который зачислены денщики и нестроевая команда, т. е. русскіе солдаты, уже революціонизировалъ и въ настоящее время превратилъ въ типичныхъ „товарищей“.

Одна часть населенія назначеніемъ Корнилова недовольна, а также недоволенъ и Георгіевскій батальонъ, солдатъ котораго состоятъ у нихъ на жалованіи. Съ пріѣздомъ Корнилова перемѣнился и наружный обликъ Ставки; всѣ какъ то подтянулись и чувствуется подъемъ.—

VII.

Изъ газетъ ты уже знаешь, что выступленіе генерала Корнилова окончилось неудачей. Причинъ тому много: главная причина это измѣна Керенскаго,—онъ самъ заварилъ всю эту кашу, онъ самъ предложилъ Корнилову сосредоточить въ районѣ Петрограда надежныя войска образовать Петроградское Военное Губернаторство и очистить Петроградскій Совдепъ отъ нежелательныхъ элементовъ.

Всѣ понимали и чувствовали, что въ послѣднемъ засѣдаетъ значительный процентъ большевиковъ и политическихъ авантюристовъ. Керенскій, боясь за потерю власти, предложилъ Корнилову пресѣчь въ корнѣ начинающійся большевизмъ и создать на Руси твердую демократическую власть. Предполагалось, что власть въ свои руки возметъ директорія въ составѣ: Предсѣдателя ген. Корнилова и членовъ: адмирала Колчака, Керенскаго, Савинкова и Филоненко. Я не буду больше распространяться объ этихъ событіяхъ, ибо всю соль и обстановку ты узнаешь изъ показанія, даннаго генераломъ Корниловымъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи.

Послѣ того, какъ ген. Алексѣевъ принялъ на себя должность начальника Штаба Верхов. Главнокомандующего, а нашъ геніальный провокаторъ и стратегъ Керенскій должность Верховнаго Главнокомандующаго, когда тѣ части, которыя клялись, что не допустятъ смѣны ген. Корнилова, перекинулись къ стаѣ провокаторовъ, генералу Корнилову не осталось ничего сдѣлать, какъ отдаться въ руки побѣдителей.

Прибылъ ген. Алексѣевъ. Генералъ Корниловъ былъ арестованъ, Вмѣстѣ съ нимъ были арестованы нач. штаба ген. Лукомскій, 1-ый генералъ квартирмейстеръ генералъ Романовскій, 2-ой генералъ квартирмейстеръ полковникъ Плющикъ-Плющевскій, товарищъ Министра Путей сообщенія при штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго Генералъ Кисляковъ, бывшій членъ Государственной Думы Аладьинъ и весь офицерскій союзъ. Всѣ заключенные содержались въ гостиницѣ Метрополь.

Въ моментъ ареста ген. Корнилова текинцы заявили, что они этого не допустятъ и только приказанія самого Корнилова не препятствовать его аресту прекратило кровопролитіе, но они настояли, чтобы всѣ внутренніе караулы были предоставлены имъ, причемъ у дверей генерала денно и нощно стояли два текинца съ обнаженными клычами и подозрительно осматривали каждаго входящаго къ генералу, а потому напряженно вслушивались не раздается ли призывъ генерала о помощи.

Приблизительно черезъ недѣлю узниковъ перевели въ Быховъ и по-

мѣстили въ б. Iезуитской колегiи, а въ настоящее время въ женской гимназiи; было предназначено сначала два мѣста? Быховъ и Рогачевъ. Въ Быховѣ хуже помѣщенiя, но зато надежный гарнизонъ въ лицѣ польской дивизiи, въ Рогачевѣ лучшее помѣщенiе, но гарнизонъ изъ „товарищей". Выборъ ген. Корнилова остановился на Быховѣ и лицамъ сочувствующимъ ему удалось добиться о переводѣ ихъ въ Быховъ. Вмѣстѣ съ узниками ушелъ въ Быховъ и Текинскiй полкъ, кромѣ одного эскадрона, который остался въ Могилевѣ.

Вчера на автомобилѣ ѣздили въ Быховъ навѣстить узниковъ. Для того, чтобы посѣтить ихъ необходимо было имѣть разрѣшенiе отъ коменданта города, которымъ былъ назначенъ преданный Корнилову всей душой Текинскаго полка полковникъ Григорьевъ. Разрѣшенiе получили конечно сразу, были у генерала и видѣли остальныхъ узниковъ. Генералъ сидитъ въ одномъ изъ классовъ въ верхнемъ этажѣ. Комната среднихъ размѣровъ, скорѣе небольшая въ два окна, которыя выходятъ на р. Днѣпръ. Стоитъ письменный столъ, на которомъ лежатъ карты, газеты и письменныя принадлежности, кровать, диванъ и умывальникъ. Вотъ все скудное убранство комнаты узника. Настроенiе генерала бодрое, спокойное. Здоровье неважное; рана, полученная имъ въ Карпатахъ даетъ себя чувствовать; необходимы ванны, массажъ и прогулки. Если возможно послѣднее, то первое и второе невыполнимо.

Между тѣмъ въ Ставкѣ ждали прiѣзда новаго Верховнаго Главнокомандующаго Ал. Ф. гражданина Керенскаго. Наконецъ онъ осчастливилъ насъ своимъ посѣщенiемъ. Ген. Алексѣевъ къ этому времени отказался отъ должности начальника штаба и, на его мѣсто по его указанiю назначенъ былъ ген. Духонинъ, который сначала не хотѣлъ принять этой должности, но подъ давленiемъ ген. Алексѣева согласился. Керенскiй вмѣстѣ съ генераломъ Духонинымъ и Дежурнымъ ген. Карташи, объѣхалъ всѣ управленiя, знакомился съ личнымъ составомъ управленiя и выражалъ пожеланiя и надежды, что всѣ будутъ работать съ нимъ дружно, укрѣпляя завоеванную свободу и революцiю. Чаша сiя не миновала и насъ.

Послѣ того, какъ Керенскiй обошелъ всѣхъ и каждаго принудилъ пожать ему руку, онъ вышелъ на середину комнаты, отставивъ ногу, заложивъ одну руку за бортъ, а другую за спину, имѣя видъ затравленнаго звѣря, заикаясь и останавливаясь послѣ каждаго слова онъ сообщилъ, что радъ насъ видѣть, привѣтствовать и что онъ надѣется, что съ нимъ будутъ работать дружно и солидарно. Потомъ какъ то неловко поклонившись и торопливо сунувъ кое кому руку, онъ быстро испарился

Слава Богу, что комедiя кончилась. Былъ еще раза два у ген. Корнилова. генералъ говорилъ о текущихъ событiяхъ, интересовался, почему не былъ принятъ рядъ мѣръ. Я вынесъ такое впечатлѣнiе, что первоначальный планъ выступленiя изъ за провокацiи Керенскаго былъ нарушенъ, а новаго плана выработано не было. Этимъ только и объясняется, что Могилевскiй совдепъ, который все время велъ подпольную агитацiю и къ типографiи штаба Верх. Главнокоман. были поставлены къ печатнымъ станкамъ часовые текинцы, безпредѣльно преданные своему бояру, но которые не зная русскаго языка допускали печатать всѣ воззванiя и проколмацiи направленные противъ Корнилова.

VIII.

Я долго Тебѣ не писалъ мой другъ лишь потому, что цѣлый рядъ

спѣшныхъ дѣлъ требовалъ немедленнаго ихъ разрѣшенія. Какъ результатъ неуспѣшнаго выступленія г. Корнилова пошли эксцессы почти во всѣхъ частяхъ. Было масса делегацій приходилось много говорить и объяснять-а кромѣ того телеграммы объ отмѣнѣ фронтового казачьяго съѣзда, казачіими частями на Кавказскомъ фронтѣ и расположенными въ тылу не были получены своевременно, а потому пріѣзжало много делегатовъ, которымъ приходилось объяснять какъ причины отмѣны съѣзда, такъ и сущность Корниловскаго выступленія и о предательской роли, которую игралъ Керенскій. Удивительно вышло удачно, что мы запаслись большимъ запасомъ воззваній ген. Корнилова. Это послѣднее поможетъ Богъ предотвратить массу непріятностей для офицерства. Когда делегаты знакомились съ сутью дѣла, они приходили въ негодованіе и обѣщали раскрыть глаза на суть дѣла частямъ ихъ пославшимъ.

Имя Керенскаго съ каждымъ днемъ все больше и больше теряетъ въ своемъ уважаніи всѣ. Слава Богу кажется начинаютъ понимать, что за гаденькая эта личность.

На фронтѣ положеніе офицеровъ ужасное оттуда несутся стоны, а вмѣстѣ съ ними льются широкіе и глубокіе потоки крови.

О скорѣе бы наступилъ часъ возмездія и предатель Керенскій отвѣтилъ бы за эту невинную кровь. Но онъ не унимается, все ему ни почемъ. Не успѣлъ пріѣхать въ Ставку, какъ уже послалъ своего адъютанта въ хозяйственную часть Управленія Дежурнаго Генерала. чтобы получить причитающееся ему денежное довольствіе по должности Верховнаго Главнокомандующаго, но ему отвѣтили, что до сихъ поръ Временнымъ Правительствомъ окладъ не установленъ, не смотря на то, что объ этомъ возбуждалось передъ Военнымъ министромъ, онъ не находилъ времени заняться вопросомъ, но достаточно было теперь стать самому Верховнымъ Главнокомандующимъ, какъ окладъ былъ назначенъ и утвержденъ. Ты думаешь, что окладъ конечно демократическій да пожалуй и правъ теперь переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Раньше когда кто нибудь изъ командного состава получали 25—30 тысячъ, такъ на всѣхъ углахъ всѣ демократы кричали, что это непосильное бремя для государства теперь же Керенскій получилъ только 65 тысячъ.

Итакъ денежный вопросъ оказался быстро урегулированнымъ не менѣе успѣшно разрѣшаются новымъ великимъ стратегомъ и всѣ боевыя задачи; то что у специалистовъ этого дѣла занимало дни, у Керенскаго не болѣе часа или полуторыхъ. Нормально такъ.

Поѣздъ приходилъ утромъ часовъ въ 10 иначалѣ 11. Керенскій на автомобилѣ отправлялся сначала въ Управленіе Генерала Квартирмейстера. Для доклада онъ выдѣлялъ часъ или немного болѣе, послѣ чего садился въ автомобиль и уѣзжалъ въ имѣніе Любошъ, что въ 12 в. отъ Могилева по шоссе Могилевъ—Орша. Вмѣстѣ съ нимъ туда же уѣзжали полковникъ Барановскій. Тамъ собиралась не большая но теплая компанія и въ обществѣ молодыхъ дамъ и барышень при ихъ благосклонномъ участіи и рѣшались всѣ важные стратегическіе вопросы, что конечно было болѣе пріятно, чѣмъ общество „контръ-революціонныхъ“ генераловъ.

Вспоминаю послѣдній его пріѣздъ: нужно было добиться отмѣны отданнаго имъ приказанія о назначеніи одного такъ называемаго революціоннаго есаула командиромъ одного изъ Кубанскихъ полковъ. Пишется революціонеръ а читать нужно карьеристъ—авантюристъ. Будучи самъ офицеромъ этого полка онъ взбудоражилъ весь полкъ и опираясь на кучку ему подобныхъ онъ добился выраженія недовѣрія всѣмъ старше его

подобнымъ и избраніе его командиромъ полка. Начальникъ Дивизіи войсковой атаманъ и мы не могли согласиться на подобное назначеніе и добилась отозванія его въ распоряженіе атамана. Авантюристъ не успокоился, поѣхалъ къ Керенскому, выпустилъ фонтанъ архи—революціонныхъ фразъ и былъ назначенъ Керенскимъ к-ромъ полка. Всѣ были противъ этого назначенія не исключая самого полка, доложили Керенскому суть дѣла и онъ къ великому нашему удивленію внялъ словамъ контръ-революціонеровъ и отставилъ назначеніе.

Я бъ упомянулъ конечно о столь незначительномъ фактѣ, если бъ это былъ единичный случай и если бъ Верховный Главнок. въ его короткіе періоды пребыванія въ Ставкѣ должно было бы найти въ мѣстѣ для него подобномъ.

Увы! Революція внесла новые порядки и выработала новыя понятія о долгѣ. Съ 11 ч. утра до 6 ч вечера Керенскаго не могли нигдѣ найти, ибо онъ былъ въ имѣніи Л., очевидно настоящее назначеніе революціоннаго Вер. Глав, покорять сердца дамъ и барышень, а не противника.

Какъ истый денократь, онъ появился на горизонтѣ Ставки впервые въ старомъ потрепанномъ пиджакѣ, зато теперь на немъ послѣдняя модель англійскаго магазина—френчъ, бриджи и желтыя гетры, и ѣздитъ онъ въ собственномъ поѣздѣ—еще болѣе роскошно обставленномъ—чѣмъ Императорскій, и вотъ въ этомъ то поѣздѣ послѣ пикниковъ, Александръ Федоровичъ устраивалъ обѣды, для тѣхъ же героинь и героевъ. Какой характеръ носили эти пирушки, могли бы разсказать либо участники, либо стѣны вагона.

IX.

Керенскій въ Парижѣ.

На одной изъ улицъ, прилегающихъ къ бульвару Сенъ Жерменъ въ небольшомъ четырехъ-этажномъ домѣ. живетъ русская дама г-жа Р. Въ Парижѣ г-жа Р. имѣетъ открытый салонъ. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей этого салона представители Парижскаго бюрократическаго міра. Не простая случайность заставляетъ всѣхъ бывать у г-жи Р.; здѣсь каждый по своему вкусу можетъ найти пріятную собесѣдницу изъ числа многочисленныхъ дамъ или просто дѣвицъ, ищущихъ авантюры. Здѣсь же можно встрѣтить князя Г., представителя русской аристократіи. Не мало представителей печати, артистовъ, жаждущихъ славы и красоты, репортеровъ газетъ и журналовъ и массу другихъ личностей. Каждый пріѣзжій русскій Bon vivan попадая въ Cave de Paris, и невольно знакомясь тамъ съ своими соотечественниками, вполнѣ можетъ разсчитывать попасть къ г-жѣ Р.

Однимъ изъ частыхъ посѣтителей является и А. Ф. Керенскій. Онъ нисколько не измѣнился. Все тотъ же, тонъ. все тѣ же манеры и вѣчный костюмъ шоффера-спортсмена, въ которомъ его видѣли во время «гастролей» въ Петроградѣ. Пріѣзжаетъ онъ обыкновенно на автомобилѣ въ сопровожденіи довольно шикарной женщины.

Его спутница говорятъ: Вы только подумайте, мы не можемъ уже годъ вернуться къ себѣ на родину.

«Большевики его (Керенскаго) хотятъ разстрѣлять, а «бѣлые» какъ это вамъ нравится, издали приказы, повѣсить. Mon Dieu, mon Dieu».

А. Ф. Керенскій держитъ себя надменно въ „толпѣ" спутниковъ и

попрежнему нюхаетъ кокаинъ. Его ноздри неестественно раздуты, а зрачки глазъ сильно расширены; въ быстрыхъ движеніяхъ видна порывистость и нервность.

Сотрудникъ газеты «Matin» М. разсказываетъ про него: «Этотъ человѣкъ сорить деньгами для возвращенія потерянныхъ правъ и преимуществъ». У него есть единомышленники. Всѣ ютятся вокругъ газеты «Юманите». «Вы читали—спросилъ онъ меня—обращеніе Керенскаго къ правительствамъ свободныхъ странъ, сколько смѣлости, сколько авторитета, чертъ возьми!».

И дѣйствительно Керенскій призывалъ народы міра не оказывать никакой поддержки вновь образовавшимся въ Россіи правительствамъ.

И кто же это?—какой-то проходимецъ, авантюристъ, ограбавшій Россію и погубившій ее—добавилъ М.

Но слава Богу, за послѣднее время стали появлятся статьи въ газетахъ противъ Александра Федоровича, или какъ просто называютъ его «Сашки».

Во время своихъ посѣщеній салона г-жи Р., Керенскій часто разсказывалъ, какъ ему удалось бѣжать наканунѣ переворота изъ Петрограда. Въ побѣгѣ помогъ ему офицеръ по фамиліи Хрк—ръ, поручикъ броневого дивизіона, согласившійся за деньги увезти его на автомобилѣ. Хорошій былъ офицеръ, вѣрный имъ и «революціи» воскликнулъ Керенскій уже сильно выпившій.

А. Ф. часто вспоминалъ Петроградъ и Финляндію, гдѣ осталась его жена. Часто вспоминаетъ онъ своихъ единомышленниковъ Авксентьева, Зиновьева, Аргунова. Говорилъ о Терещенко, этомъ „королѣ шантановъ", какъ его называли за слишкомъ частое посѣщеніе увеселительныхъ заведеній особенно въ Кіевѣ, гдѣ онъ швырялъ деньгами въ обществѣ беззаботныхъ и шаловливыхъ дѣвицъ, какъ за ужиномъ у госпожи Г, Керенскій поднималъ бокалъ за здоровье своего друга Мартына Кошека который въ газетѣ „Юманите" обрушился на голову Пишона, за его поддержку, оказанную правительству Колчака,

(*Продолженіе слѣдуетъ*).